

В. В. ВОРОБЬЕВ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Рекомендовано Министерством образования и
науки Российской Федерации
для использования в учебном процессе*

Москва

**Издательство Российского университета дружбы народов
2006**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3 - 11

Глава 1. Теоретические основы лингвокультурологии.... 12 - 83

- § 1. Генезис и перспективы взаимосвязи языка и культуры..... 12
- § 2. Лингвокультурология - новая научная дисциплина..... 30
- § 3. Семиотическая модель изучения языка и культуры..... 37
- § 4. Лингвокультурема как единица описания.....44
- § 5. Концепция лингвокультурологического поля..... 57
- § 6. О лингвокультурологической компетенции.....73

Глава 2. Лингвокультурологическая методология описания

- 84 - 183
- § 1. Культурологическое исследование национальной личности.. 84
- § 2. Понятие личности как имени лингвокультурологического поля..... 89
- § 3. Доминанты поля «русская национальная личность»..... 96
- § 4. Моделирование поля «русская национальная личность»....114
- § 5. Парадигматика и синтагматика лингвокультурем.....121
- § 6. Русская национальная личность в аспекте духовной культуры.....133
- § 7. «Русская идея» как лингвокультурологическое понятие..... 147
- § 8. Культурологические ценности русской национальной личности.....156
- § 9. О менталитете русской национальной личности..... 169

Глава 3. Сопоставительные аспекты лингвокультурологии....

-184 - 250
- § 1. Национальная личность в сопоставительном описании..... 184
- § 2. Сопоставительное описание лингвокультурологических полей 189
- § 3. Содержание сопоставительного описания..... 198
- § 4. Лингвокультурологическое поле «французские "идеи-силы"» 208
- § 5. Ценности и менталитет французской личности..... 219
- § 6. Лингвокультурологическая парадигма национальной личности.....227

Глава 4. Прикладные аспекты лингвокультурологии...251 - 294

- § 1. Таксономия методических понятий лингвокультурологии....251
- § 2. Об иерархической взаимосвязи понятий «сквозной культурологической темы» и «учебного концентра».....253
- § 3. Концентризм лингвокультурологического поля 258
- § 4. Лингвометодическое описание русской национальной личности..... 266
- § 5. Лингвокультурологическая модель языковых концентров.. 272
- § 6. Методические рекомендации по презентации языкового материала..... 291

Заключение..... 295 - 313

Список литературы..... 314 - 330

ВВЕДЕНИЕ

Исследования проблемы «язык и культура», с одной стороны, имеют давнюю т р а д и ц и ю, обусловленную изначально известным интересом языкознания к их взаимодействию и взаимосвязи, а с другой, несмотря на наличие целого ряда научных работ общего и частного характера [см. раздел «Список литературы»], продолжают оставаться н е д о с т а т о ч н о р а з р а б о т а н н ы м и как в общетеоретическом плане, так и в прикладных аспектах. Нельзя, например, считать, что такие методологические вопросы как язык - «средство выражения культуры» [Аврорин, 1975], «компонент культуры» [Бромлей, 1984], «часть культуры» [Верещагин, Костомаров, 1990], «сторона культуры» [Уледов, 1985] и другие, получили свое окончательное разрешение, так как в с и с т е м а т и ч е с к о й форме в отечественной филологической и философской литературе некоторые из них еще не исследовались. Отдельные теоретические вопросы, такие как «языковая личность и культура» [Караулов, 1987], «социокультурное образование» [Сафонова, 1992], «лингвокультурологические связи» [Клоков, 1995], были выдвинуты совсем недавно, другие, например, «язык в культурологическом аспекте» [Воробьев, 1994], «личность в парадигмах языка и культуры» [Воробьев, 1996] ждут своей постановки и всестороннего изучения.

Поэтому а к т у а л ь н о с т ь исследования связана с обострением интереса к феномену культуры и проблемам языковой личности, что, в свою очередь, объясняется многими обстоятельствами развития социокультурных процессов. Резко возросшие в наше время культурные, научные и экономические контакты стран и их народов с неизбежностью выдвигают темы «язык и культура» и «языковая личность» в число важнейших общеязыковедческих и социолингвистических проблем. Теоретическое осмысление принципов, подходов, концептуальных схем, научных парадигм, позволяющих показать их реальное взаимодействие, приобретает в этой связи немаловажное значение.

Необходимость лингвистических исследований для взаимопонимания народов, диалога национальных культур стала уже общепризнанным фактом, так как в социальной действительности «язык - это путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Сепир, 1993, с. 261]. Язык обладает способностью воздействовать на формирование и развитие народной культуры, которая, в свою очередь, персонализируется как личность. Из этого

явствует, что проблемы языка, культуры и личности следует ставить во главу угла, так как практически именно с культуры начинается духовное общение людей, понимание и сотрудничество народов, а общение культур актуализируется в общении личностей.

Современный этап разработки проблемы взаимосвязи языка и культуры свидетельствует о наличии нескольких направлений, обусловленных изучением данной проблемы, как философии, так и лингвистики. Одним из них является этнолингвистика, изучающая язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов, план содержания культуры, народной психологии и мифологии [*Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 597*]. Наглядным примером этого направления в нашей науке являются труды Н.И. Толстого [1963, 1968, 1982], его учеников и последователей, посвященные вопросам общей и славянской этнолингвистики. Другое важное направление исследования этой проблемы представлено работами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1980, 1983, 1990] и другими: это широкий круг вопросов теоретического и прикладного лингвострановедения.

Наряду с этими и другими фундаментальными научными и лингводидактическими направлениями, в тесном единстве с ними возможен и необходим и иной подход к исследованию рассматриваемой глобальной проблемы - **лингвокультурологический**. Лингвокультурология (от лат.: lingua - язык, cultura - культура, logos - наука, учение) как научная дисциплина синтезирующего типа, суть которой будет раскрыта в дальнейшем изложении, характеризуется, прежде всего, целостным, паритетным и системным рассмотрением культуры и языка как совокупности единиц (лингвокультурем), образующих полевые структуры. Доминирующим здесь является не простое изучение взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов или опора на предметно-понятийную сферу культуры в учебном описании и преподавании языка, а целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков (народов) на основе теории лингвистической относительности (гипотеза Э. Сепира - Б. Уорфа) (1), концепции, согласно которой структура языка и сис-

1. *Говоря о гипотезе Э. Сепира - Б. Уорфа, возникшей в системе этнолингвистики и идеалистической философии, следует иметь в виду, что язык не является самодовлеющей «творящей силой», а представляет собой лишь отражение объективной действительности [Брутян, 1968].*

темная семантика его единиц коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа.

Новая постановка рассматриваемой проблемы образует методологическую и практическую основы лингвокультурологического аспекта описания и функционирования русского языка как особого научного направления гуманитарных исследований, чрезвычайно существенного в новых условиях для теории и практики его преподавания.

Основная цель работы: разработка научных основ лингвокультурологического аспекта описания системы и функционирования современного русского языка.

Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие конкретные задачи:

анализируются, обобщаются и систематизируются наиболее существенные концепции проблемы «язык и культура»;

дается в этой связи научное обоснование лингвокультурологии и ее основных задач на современном этапе развития общества и культурно-языковых контактов народов;

разрабатываются принципы системного анализа лингвокультурологических объектов;

обосновывается понятие лингвокультуремы как единицы, диалектически синтезирующей в себе элементы языка и культуры, и разрабатывается типология таких единиц;

разрабатывается принципиальная структура лингвокультурологического поля как комплексной единицы, синтезирующей уровни языка и культуры, и вскрывается его специфика в сравнении с семантическим полем в языке;

определяется понятие «лингвокультурологической компетенции» и этнолингвистических «картин мира» в их общем и особенном;

проводится системный анализ лингвокультурологического поля «русская национальная личность»;

определяются доминанты и принципиальная схема, дается описание основных классов этого поля в его развитии (на основных «срезах»);

устанавливаются основные закономерности парадигматической организации и синтагматического функционирования единиц основных классов поля (его центра);

выявляются механизмы взаимодействия единиц основных классов лингвокультурологического поля «русская национальная личность» и единиц смежных полей;

разрабатывается модель контрастивного анализа и дается системное описание паритетных лингвокультурологических полей «национальная личность» на примере двух языков и культур (русский/русская - французский/французская) и выявляется их национальная специфика;

предлагаются основные рекомендации для прикладных аспектов лингвокультурологии.

Решение поставленных задач составляет основное содержание данной работы, имеющей одновременно теоретический и описательно-прикладной характер. Собственно предлагаемая здесь концепция лингвокультурологии и возникла из непосредственного анализа языкового материала - лексической системы, поля как «кусочка миропонимания языка» [Вайсгербер, 1926].

Лингвокультурологическое исследование соответствует общей тенденции современной лингвистики - переходу от лингвистики «имманентной», структурной, к лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью [Постовалова, 1988, с. 8]. Наша концепция лингвокультурологии строится на общепринятых в языкознании предпосылках. Сложностью самого феномена языка, его многосторонними связями с материальной и социальной действительностью объясняется множество концепций в современной лингвистике. Каждое направление акцентирует внимание на какой-либо одной стороне языка и его связях, оставляя вне поля зрения другие аспекты. Думается, в этом нет ничего предосудительного; не может быть оправдана только абсолютизация одной теории, ее противопоставление всем другим как единственно правильной и нужной.

В работе дается всестороннее теоретическое обоснование понятия «лингвокультурологии», аппарата анализа этой дисциплины (структуры поля как системы лингвокультурем, их строения и типологии, процедура исследования и синтезирование результатов и т.п.), понятия «лингвокультурологической компетенции» как отражения национальной «картины мира».

Объектом лингвокультурологического исследования и описания становится одно из самых актуальных для современности, сложных, малоисследованных и дискуссионных по интерпретации полей «русская национальная личность» как народная «с о б о р - н а я личность», по Ф.М. Достоевскому. Эта категория является центральной, доминирующей в истолковании глубинных внеязыковых смыслов как «конденсаторов» национальной культуры и ее специфики. Она служит своеобразным интра - и экстралингвисти-

ческим коррелятом понятий «образ автора» [Виноградов, 1971, с. 105-211] и «языковая личность» [Караулов, 1987], обладая более глубоким внеязыковым (культурологическим) содержанием. Этим определяется ее важнейшее значение как средоточия языковой и внеязыковой семантики и «аксиологического фильтра» при восприятии носителями языка иной культуры, чем его собственная. Тем самым в аппарат исследования на примере категории «народной личности» вводится важнейшее понятие, позволяющее системно и объективно исследовать те глубинные смыслы и знания, которые стоят «за языком» и помогают понять «национальное звучание» слов, выражений, целых понятий, которые иначе остаются «скрытыми» для иностранцев, изучающих язык, культуру и цивилизацию другого народа.

На основании теоретических построений и практического анализа в работе предлагаются новые по своему характеру и содержанию рекомендации в области практического описания (включая сопоставительное) рассматриваемого объекта, создания соответствующих учебных пособий и словарей, теории и практики обучения русскому языку в тесной связи с культурой народа. Теоретические результаты исследования могут быть положены в основу научной концепции лингвокультурологии как важнейшего аспекта описания и функционирования русского языка на современном этапе.

Предложенный метод системного (полевого) изучения и описания языков и культур создает предпосылки для целостного и многокомплексного исследования языков как выразителей и хранителей культурных ценностей в их общих и специфических чертах.

Разработанная модель лингвокультурологического поля как диалектического единства языкового и внеязыкового содержаний (предметный и духовный мир культуры) составит теоретическую основу новой интегративной единицы и одновременно комплексного метода исследования - лингвокультурологического поля, в котором соотносятся и фокусируются элементы языка и культуры.

Наконец, концепция лингвокультурологии и поля как ее метода и комплексной единицы позволяют расширить исследуемый объект, выйти за пределы только чисто лингвистических представлений о нем. «Языковой ракурс», исходный в данном исследовании (то есть «поле от лингвистики»), дает теоретическую возможность продуктивно синтезировать знания о культуре, выражаемые при помощи языка, видеть их глубинный смысл. Перефразируя слова Ю.Н. Караулова, можно сказать в этом смысле, что в

концепции «язык и культура» сходятся интересы всех наук о человеке, что это «та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 1987, с. 3].

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в ней результаты: 1) вносят вклад в разработку категориального аппарата теории языка и культуры; 2) могут представить интерес для разработки лингводидактических основ различных типов учебных пособий по теме «Язык, культура, цивилизация», учебных словарей и справочников этого профиля, практики монолингвального и контрастивного описания языков и культур в целях национально ориентированного преподавания русского языка как иностранного; 3) наконец, могут быть использованы в курсе «Язык и культура», в спецкурсе по лингвокультурологии, в работе методологических семинаров, непосредственно для практики обучения языку в национальной и иностранной аудитории.

Объектом исследования являются системы лингвокультурем (поля), их внутренняя и внеязыковая семантика, парадигматические и синтагматические отношения, а также соотношения таких систем в разных языках и культурах.

В качестве основного объекта описания избрано лингвокультурологическое поле «русская национальная личность»: оно представляет собой одно из существенных «пересечений» языка (языковая личность как категория) и культуры, поскольку последняя характеризует «особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, культура быта, художественная культура, политическая культура). В культуре может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида (личная культура), социальной группы (например, культура класса) или всего общества в целом» [Философская энциклопедия, 1970, с. 292]. Это поле - фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке. Именно это обстоятельство, а также резко меняющееся в последнее время (нередко с возвратом к старому) содержание понятий «русский человек» («разумеется, мы говорим про русского человека вообще, собирательно, в смысле всей нации» [Достоевский, 1891, с. 24]), «русская личность» в основном и предопределили выбор объекта исследования. «Русское» и сейчас предстает перед нами как до конца не разгаданное и объективно не исследованное. Н.А. Бердяев писал об этом в 1918 году в книге «Судьба

России»: «С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство - к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское» [Бердяев, 1990, с. 7].

Исследование «загадки» России, русской культуры и цивилизации - одна из важнейших задач лингвокультурологии: оно позволяет открыть и освободить от всяческих наслоений духовный источник силы русского народа, может дать разгадку многих устойчивых языковых выражений, словесных и художественных образов, «подтекст» которых иначе останется не вполне ясным, осознанным.

Основные используемые методы: семантического (лингвокультурологического) поля, контекстуального (дистрибутивного) анализа, компонентного анализа, контрастивного (сопоставительного) анализа, метаязыкового описания, анализа языка художественной литературы (доминантный, «образа автора»), «диалогический» и другие.

Основными источниками исследования являются толковые словари: Словарь современного русского литературного языка: М.-Л., 1950-1965; Словарь русского языка в 4-х томах, изд. 2-е: М., 1981-1984; Толковый словарь русского языка, под ред. Д.Н. Ушакова: М., 1935-1940; Словарь русского языка. С.И. Ожегов: М., 1989; Толковый словарь живого великорусского языка. В.И. Даль: М., 1994; другие словари: Словарь синонимов русского языка в 2-х томах: Л., 1970-1971; Словарь антонимов русского языка. М.Р. Львов: М., 1985; Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. М.И. Михельсон, 1903-1904; Крылатые слова. С.В. Максимов: М., 1955; Крылатые слова. Н.С. и М.Г. Ашукины: М., 1966; Фразеологический словарь, под ред. А.И. Молоткова: М., 1968; Словообразовательный словарь русского языка. А.Н. Тихонов: М., 1985; Этимологический словарь русского языка. М. Фасмер: М., 1964-1973; Этимологический словарь русского языка. А.Г. Преображенский: М., 1960; Краткий этимологический словарь русского языка. Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская: М., 1971; Словарь языка Пушкина: М., 1956-1961; Пословицы русского народа. В.И. Даль: М., 1957; а также различного рода справочники и пособия, в которых нашли языковое воплощение темы «русский

человек» и «русский народ». Кроме того, в работе были использованы материалы словарей французского языка и соответствующие справочные пособия, в которых отражается исследуемая проблема: Memento Larousse. Encyclopedique et illustre, Paris, 1949; Micro Robert. Dictionnaire du francais primordial, Paris, 1971; Nouveau Larousse elementaire, Paris, 1967; Petit Larousse illustre. Nouveau dictionnaire encyclopedique, Paris, 1912 и др.

Основным источником, иллюстрирующим употребление лингвокультурологических единиц, являются произведения русских писателей, историков, философов, деятелей культуры XIX - XX веков.

В работе используются также материалы прессы, публицистики, особенно советского периода, а также газеты и журналы сегодняшнего дня, в которых наметилась тенденция к переосмыслению некоторых культурных понятий и явлений. В сопоставительной части исследуются материалы французской публицистики.

Структура монографии определяется поставленными выше конкретными задачами, а также логикой развития и развертывания основной темы исследования и анализа лингвокультурологического материала.

Книга состоит из Введения, четырех глав и Заключения.

Во Введении раскрывается актуальность избранной проблематики лингвокультурологического описания взаимодействия языка, культуры и личности, определяется научная новизна исследования как современная парадигма гуманитарного знания, ее теоретическая значимость и области практического применения полученных результатов.

Первая глава посвящена теоретическому обоснованию лингвокультурологии как научной дисциплины гуманитарных наук и одного из важнейших аспектов научного описания функционирования русского языка в современном мире. Здесь выявляется специфика лингвокультурологического поля, формулируются соответствующие требования к способам и средствам построения теоретического анализа языка, культуры и личности, представляется семиотический подход к построению и синтезу аспектных концепций поля. Важнейшей проблемой, рассматриваемой здесь, является системность и целостность интерпретации объекта как культурологической ценности, аккумулируемой и выражаемой языком.

Вторая глава, имеющая свою особую и актуальную для нашего времени значимость при понимании глубин национального сознания, является одновременно иллюстративной: сферой применения системного анализа на примере лингвокультурологического

поля «русская национальная личность», которое описывается в его существенных фрагментах. Основная исследовательская задача состоит здесь в том, чтобы определить общую структуру поля как систему классов лингвокультурем, их парадигматические и синтагматические (функциональные) свойства.

В третьей главе ставится задача выявить существенно общее и специфичное в поле «национальная личность: русская и французская» в промежуточной метасистеме и определить принципы их направленного сопоставления как теоретическую основу контрастивного анализа и соотносительного, паритетного изучения разных народов, языков и культур.

Наконец, в последней, четвертой, главе рассматриваются как практический итог исследования основные прикладные аспекты лингвокультурологии: принципы и приемы практического моно- и билингвального описания языка в единстве с культурой народа, вопросы теории и практики обучения языку, культуре и цивилизации, прикладные аспекты учебной лексикографии (культурологические словари и справочники).

В Заключении, имеющем характер резюме, а также синтеза теоретического знания, подводятся основные итоги исследования.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

§ 1. Генезис и перспективы взаимосвязи языка и культуры

Язык тесно связан с культурой: он «прорастает» в нее, выражает ее, «является обязательной предпосылкой развития культуры в целом» [Сепир, 1993, с. 223] и, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте. Из всех аспектов культуры «у языка есть свое окружение. Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), то есть к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует и вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Там же, с. 185]. Поэтому необходимо изучать язык в теснейшей связи с «культурными зонами» и господствующими идеями народов, их совместного мыслительного творчества. Будучи одним из признаков нации, ее «социального взаимодействия», язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Э. Сепир выдвинул важное методологическое положение, раскрывающее единство и специфику культуры и языка: «Культуру можно определить как то, ч т о данное общество делает и думает. Язык же есть то, к а к думают <...> Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Там же, с. 193-194]. В этой связи язык выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура как процесс освоения человеком действительности и как фактор, воздействующий на развитие человеческого общества, что оказывается под непосредственным влиянием языка. В этом состоит суть известной «теории лингвистической относительности» Э. Сепира - Б. Уорфа.

Я з ы к есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и преобразования информации. К у л ь т у р а, как и язык, также является знаковой (семиотической) системой, способной передавать информацию, но, в отличие от языка, не способной самоорганизовываться, так как культура - это, прежде всего память, сложная семиотическая система, ее функция - па-

мять, а ее основная черта - накопление [Лотман, 1993, с. 227] и стремление к абсолютной всеобщности. Л и ч н о с т ь без стремления к своей абсолютной уникальности не может обойтись без общения, диалога культур. Поэтому **«язык - нация (национальная личность) - культура»** - центральная триада лингвокультурологии, фокус, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы этой отрасли науки.

Изучение культуры в рамках гуманитарных наук имеет давнюю традицию. Число определений понятия «культура» по самым скромным подсчетам превышает более двухсот пятидесяти. Высказываются самые противоречивые точки зрения о сущности культуры, перспективах ее развития. Одни исследователи видят в культуре много негативных явлений, сомневаются относительно возможности культурного прогресса, другие утверждают, что культура есть высшее достижение человеческого разума, символизирующее убеждения и выразительные средства. Говоря об общем определении понятия «культура», обычно подчеркивают, что это «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 292]. Для нас культура - это: организация человеческой жизни, особый класс общественных явлений; внимание к национальной личности и, прежде всего, к ее внутреннему духовному миру; совокупность способов творческой деятельности личности в области материального и духовного производства; способы распределения и потребления материальных и духовных ценностей, достижения в области организации общественных взаимоотношений, способствующих прогрессивному развитию человечества. Пожалуй, ближе всего к нашей позиции определение Э. Сепира концепции культуры, которая «направлена на то, чтобы охватить в едином термине те общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, которые позволяют конкретному народу определить свое место в мире» [Сепир, 1993, с. 469].

Как следует из этимологии слова культура (лат. cultura - «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание»), оно подразумевало первоначально целенаправленное воздействие человека на природу (например, обработку земли: ср. сельскохозяйственная культура (cultus agri), позднее - воспитание и обучение самого человека. Так, эллины считали воспитанность, культурность главным отличием от некультурных варваров: «Эллинами могут на-

зываются те, кто имеет общую с нами культуру или общее с нами происхождение» [*Исократ*]. Понятие «культура» стало позднее тесно связываться с гуманистическими идеалами народа, с развитием цивилизации, с физическим, нравственным, эстетическим и духовным развитием человека (*homo cultus*). В России, в многочисленных философских и литературных статьях, опубликованных с конца XVIII до середины XIX в., понятие «культура» почти не встречается; оно передавалось в то время словами «гуманность», «образованность», «просвещение», «воспитанность», «разумность». В «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова [1846] слово «культура» встречается впервые и расшифровывается как целенаправленная деятельность для пробуждения дремлющих в предмете сил и как известная степень развития этой деятельности. В современной культурологии к понятию «культура» близки по смыслу термины «культурная» или «социокультурная система», «мировая культура».

На рубеже XIX - XX веков в культуре стали видеть, прежде всего, специфическую (часто - национальную) систему ценностей и идей, обусловленную реальной историей народа и его духовно-психическим складом, ибо «разные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям» [*Вебер, 1990, 1994*], [*Риккерт, 1903, 1911*].

Известный интерес представляют, с одной стороны, попытки определить набор «культурных инвариантов», народов (*Сепир* [1993], *Уорф* [1939] и др.), а с другой - представить культуру, ее содержание как универсальную сущность, «фундаментальное основание» (*Гуссерль* [1909]; Юнг [1992, 1994] и др.). Они как бы «схватывают» два полярных определения национальных культур - их вариативность (особенности) и общечеловеческое содержание. В. Гуденау справедливо объединил все эти элементы следующим образом: «Культура содержит образцы, помогающие решить, что существует (представления и понятия об окружающем мире), что может быть (взаимосвязи), как относиться к тому, что есть и что может быть (ценности), что с этим делать и как делать (нормы)» [*Goodepough, 1981, p. 62*].

Необходимо различать (но не противопоставлять) материальную культуру (орудия труда, жилища, предметы обихода, одежда, средства транспорта и т.п.) и духовную культуру (познание, нравственность, воспитание и просвещение: право, философия, этика, наука, искусство, литература, язык, мифология, религия). Методологически важно подчеркнуть неразрывность, диалектическую связь, преемственность двух основных видов культуры. Матери-

альные явления, с одной стороны, являются основой духовного, а с другой - духовность культуры во многом реализуется в материальной сфере, опирается на нее, объясняется ею. То есть, существует непосредственная связь развития духовной и материальной культур и она выражается современным понятием «культура».

Развитие культуры происходит в недрах нации, народа, нередко в условиях их социального классового расслоения, взаимопротиворечащих периодов, но, вместе с тем, в условиях безусловного существенного национального единства.

Прогресс в области материального и духовного культурного развития осуществляется народом. Национальная основа покоится на фундаменте преемственности, традиций в культуре, которые обеспечивают ей устойчивость, стабильность, несмотря на самые бурные социальные события, смены «идеологического ракурса». Вот почему, наряду с понятиями «культура» и «язык», в уже упомянутую выше триаду входит понятие «нация» («национальная личность»).

Национальный характер культуры как «культурный инвариант» вовсе не отрицает, а, наоборот, предполагает взаимодействие языков и культур разных народов, их взаимное обогащение до целостного «фундаментального основания» - мировой культуры, достижения всего человечества.

Цельная независимая жизнь и культура, подчеркивал В.С. Соловьев, свободная от всякой исключительности и односторонности, необходимо распространяется на все человечество, взаимодействует с разными культурами, которые взаимно «впитывают» друг друга: «...только такая культура, которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, - только она может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой...» [Соловьев, 1912, с. 176].

Разумеется, мировая культура как система, синтез национальных культур должна быть резко отгорожена от так называемой массовой культуры, «превращенной в индустриально-коммерческую форму производства и распространения с помощью средств массовой коммуникации так называемых стандартных и вне-национальных духовных благ» [Советский энциклопедический словарь, 1983, с. 780]. Такая «культура» характеризуется примитивным, вненациональным («общенациональным») изображением материального мира и человеческих ценностей и отношений, сведе-

нием социальных конфликтов к столкновениям «хороших» и «плохих» людей, развлекательностью, сентиментальностью, смакованием насилия, секса, разрешением расовых и национальных предрассудков, культом успеха, потребительства, насыщением конформизма. Она игнорирует особенности региональных, религиозных или классовых субкультур. «Массовая культура» под видом свободы выбора образа жизни для личности на самом деле есть форма подчинения широких масс господствующим ценностям в тоталитарных странах. Она равна тому негативному смыслу, который вкладывается многими философами и культурологами в понятие «цивилизация» (фр. *civilisation*). Правильнее было бы говорить о том, что, «в отличие от культуры, заключающей в себе понятия и духовной, и материальной деятельности людей с ее результатами, цивилизация преимущественно обозначает именно материальную культуру» [Белецкий, 1993, с. 8].

Необходимо, говоря о слове цивилизация (произошло от латинского слова «*civilis*» - «гражданский», «*civiliter*» - «по-граждански», «учтиво, любезно, вежливо, ласково»), различать три его значения: 1) синонимичное смыслу слова «культура», 2) уровень развития общества, материальной и духовной культуры (современная цивилизация) и 3) деградация и упадок в противовес целостности, органичности культуры. Более принято просветительское определение цивилизации, как «состояние общества, которое воплощает наиболее рациональный в данных исторических условиях способ воспроизводства жизни и наиболее гуманные формы существования человека» [Немировская, 1992, с. 21]. Говоря о соотношении понятий «культура» и «цивилизация», следует отметить, что, если культура - это общечеловеческое понятие, то цивилизация - временное, включающее все многообразие культур. В работе термин «цивилизация» («цивилизованность», «жить цивилизованно», «вести дело цивилизованно») используется, кроме специально оговоренных случаев, именно как синоним слова «культура», то есть, в первом из приведенных значений: «Культура или цивилизация, - писал Э. Тейлор, - слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [Тейлор, 1989, с. 37]. Культура, таким образом, может быть определена «как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух» [Сепир, 1993, с. 469]. Совсем иной смысл приобрел, как мы видели, термин «массовая культура», появление которой прогнозировалось некоторыми философами и

культурологами, например, О. Шпенглером в его известном сочинении «Закат Европы» [1923].

Согласно О. Шпенглеру, каждой культуре отведен определенный срок (около тысячелетия), зависящий от внутреннего жизненного цикла. Умирая, культура перерождается в цивилизацию, свою противоположность: это, с одной стороны, эквивалент «мертвой протяженности», и «бездушного интеллекта», а с другой - «массового общества», «стада». Предрекая «массовую культуру» или что-то подобное под словом «цивилизация», О. Шпенглер писал: «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры. Здесь мы достигаем того пункта, с которого становятся разрешимыми последние и труднейшие вопросы исторической мифологии. Цивилизация - это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они - завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым действием, являемым нам дорикой и готикой. Они - неизбежный конец, и, тем не менее, с внутренней необходимостью к ним всегда приходили» [Шпенглер, 1923, с. 31]. Цивилизация в таком понимании, граничащая с «массовой культурой», делает фактически ненужным подлинное художественное и литературное творчество: «культурные претензии» уступают место трафаретному, голому техницизму.

Сходные мысли высказывал в России П.А. Флоренский, который, по словам Андроника (Трубачева), «предупреждал о губительности бездуховного пути культуры, отстаивал духовную ценность Православия, в котором находят свое высшее и истинное воплощение все общечеловеческие стремления. Культ человека, не ограниченного в деятельности и правах высшими, над человеческими духовными ценностями, неизбежно приводит в области искусства - к культу крайнего индивидуализма, в области науки - к культу оторванного от жизни знания, в области хозяйства - к культу хищничества, в области политики - к культу личности» [Флоренский, 1992, с. 9]. Все симптомы намечающегося культурного упадка отчетливо прослеживаются в различных аспектах жизни современного общества.

Отметим также (это важно для сопоставительного исследования языковых картин мира), что отношение культуры и цивилизации различно трактуется в христианстве, на что указывал С.Н. Булгаков. Так, протестантизм, по его мнению, разделяет области жизни христианина на личную духовную жизнь и область мирского делания, мирских дел, труда. Морально протестант делает все возможное, правда, безуспешно, чтобы спасти культуру от цивилизации. В ка-

толичестве церковная жизнь вдохновляет мирское творчество, для которого культура и цивилизация находятся в отношении соподчинения. Напротив, для православия путь творческой борьбы за культуру невозможен, если признавать иерархическое подчинение культуры. И даже бытовое благочестие русского народа, выросшее веками, есть яркий образ победы культуры над цивилизацией [Булгаков, 1993, с. 641, 642].

Кризис культуры, наступивший на рубеже XIX-XX веков, потребовал переоценки ценностей, в значительной степени нигилистического отношения к ним. О необходимости новых ценностей хорошо писал в своем труде «Воля к власти» Ф. Ницше: «Почему появление нигилизма в данное время н е о б х о д и м о ? Потому, что все наши, бывшие до сих пор в ходу ценности, находят в нем свой последний вывод; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, потому, что нам нужно сначала пересилить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности ц е н н о с т ь этих «ценностей»... Нам нужно когда-нибудь найти н о в ы е ц е н н о с т и...» [Ницше, 1910, с. 4]. Можно по-разному относиться к творчеству «великого декадента» - философа-романтика, по-разному оценивать его высказывания, но не соглашаться с самой постановкой вопроса о необходимости поиска новых ценностей в связи с лучшими традициями прошлой культуры едва ли правомерно.

В России, наряду с Вл. Соловьевым, П.А. Флоренским и др., одним из крупнейших теоретиков искусства и культуры был писатель А. Белый [псевдоним Б.Н. Бугаева, 1886-1934]. В третьей части серии сборников «На перевале» - «Кризисе культуры» А. Белый, как бы перекликаясь с О. Шпенглером, писал: «Кризисы современной культуры в смешении цивилизации и культуры; цивилизация - выделка из природного нам данного; то, что некогда оплотнело, что стало, застыло, становится в цивилизации производственным потреблением (так из стали мы можем искусственно приготовить ножи); образование материи стали из образа, в нас нисходящего свыше из мысли, - культура; цивилизация эволютивна всегда; инволютивна культура; в культуре из мыслесуществ, из страны жизни мысли вливаются в душу как нечто, что там оживает, как образ...» [Белый, 1910, с. 72 - 73]. Сохранение и развитие культуры (в противовес цивилизации в ее негативном смысле) А. Белый видел в активном творчестве личности, создающей ценности; культура определяется им как «деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности; начало культуры поэтому коренится в

росте индивидуальности; ее продолжение - в индивидуальном росте суммы личностей, объединенных расовыми [то есть, национальными - В.В.] особенностями; продукты культуры - многообразие религиозных, эстетических, познавательных и этических форм...» [Белый, 1910, с. 5 - 6]. Стимул культуры, по А. Белому, - христианство: «Интимное этой культуры - сказать, что в простой Форнарине таинственно действуют силы Мадонны, что в Фаусте вписаны тайно великие силы Христа» [Там же, с. 23]; «Культура - зеленая поросль над струйкою религиозного, нового импульса. И этот импульс - Христов» [Там же, с. 30].

Самое страшное для культуры - «тенденция: быть н а с а ж д а - е м о й [разрядка наша. - В.В.] государством; соединение государства с культурой - страшное дело» [Там же, с. 45]. Такая практика негативно проявилась в, разного рода, тоталитарных государствах, что привело культуру личности к безликим стандартам и выхолащиванию под видом насаждаемых «идеалов» и «ценностей» подлинного творчества и индивидуальности. Эта тенденция не могла не сказаться и на понимании в определенный период развития русской национальной личности, о чем речь впереди.

Культура как коррелят языка и (национальной) личности должна пониматься в ее исторической ценности, традициях, новаторстве и новизне. Всесторонний учет и сохранение в культуре важнейших ценностей и развитие в ней новых ценностей дает гарантию для адекватного понимания жизни нации как она отражается в ее языке. Преодоление кризиса культуры в России начала нашего века могло пойти разными путями. Один из них начинался как развитие русской духовной (православной) культуры (линия Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, А. Белого, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева и др.). Другим был путь культурных преобразований, намеченный Октябрем 1917 года, когда предпочтение отдавалось лишь революционно-демократической линии. Он вступил в явные противоречия с первым и на долгое время сделался единственным в нашей стране. «Важнейшая цель социалистической культуры, - читаем в «Философском энциклопедическом словаре» [1983, с. 295], - формирование нового человека, всесторонне развитой личности, превращения научного марксистско-ленинского мировоззрения в осознанное убеждение каждого члена общества, воспитание в нем высоких нравственных качеств, обогащение его духовного мира». Это обернулось тем, что из осмысления теоретиками культуры выпали философско-культурологические концепции российских западников, славянофилов, философов, историков и социологов XIX-XX веков. Не отрицая больших заслуг со-

циализма в культурном строительстве, внедрения культуры в массы, следует в то же время подчеркнуть, что многие нововведения были очень похожи на «массовую культуру», «выдуманного образца», «указующего перста», налицо было отодвижение на второй план творческой личности (а то и преследования инакомыслия), замена ее послушными исполнителями указаний господствующей идеологии. Трудно осмыслить и интерпретировать и целый ряд партийных установок в области культуры. Например, тезис о том, что социалистическая культура как прообраз всемирной духовной культуры коммунистического общества «будет носить общечеловеческий - лишенный социальных и национальных различий - характер» [Шпет, 1989, с. 120]. От многих интересных культурологических идей и построений - продуктов общественной мысли начала XX столетия, - увы, пришлось отказаться, многое забыть и вычеркнуть. С сожалением приходится повторять слова В.В. Зеньковского, завершающие один из разделов «Истории русской философии» [1950], где советская философия того времени рассматривается в широком социальном и культурном аспекте: «Мы не упоминаем никаких имен, - да ведь там и нет личного творчества - есть лишь одно, свыше одобренное и регулируемое направление («диалектический материализм»). Ничтожная, жалкая, трагическая по существу картина обезличенной мысли тем более страшна, что это удушение свободного творчества длится не один десяток лет» [Зеньковский, 1991, с. 53].

Бурное развитие социальной жизни общества многократно приводило к смене «ценностных парадигм». Процесс этот нельзя считать завершенным и теперь. И это не может не отразиться в употреблении языковых средств - слов и выражений, несущих глубокий социальный смысл.

Итак, подведем краткие предварительные итоги сказанному. Существенно, прежде всего, подчеркнуть следующее.

Культура имеет всепроницающий характер и, напротив, не имеет особой четко очерченной зоны или сферы.

Культура как внеязыковой коррелят языка и национальной личности представляет собой систему материальных и духовных ценностей. Главное назначение культуры - быть средством духовного обогащения личности. Человек погружается в «мир культуры», осваивая множество языков, специфичных для материальной и духовной культуры.

Культура, как творение народа, является национальной, единством национального (специфического) и общего (интернационального).

Как таковая, она коррелирует, с одной стороны, с понятием мировой общечеловеческой, вселенской, культуры как синтезом, спиралеобразным «восхождением» ряда национальных культур, а с другой, со своим «суррогатом» - «массовой культурой» с выхолащивающимся национальным содержанием и обесцененными «ценностями». Учет этих оппозиций важен, так как это сказывается на характере употребления языковых средств.

Существенно в этой связи иметь в виду различные понимания термина «цивилизация»: от синонима слова «культура» до его противоположности, однако цивилизация не равнозначна понятию «культура» (хотя они нередко ошибочно отождествляются). Главное их различие в том, что цивилизация представляет собой «замкнутую духовную общность, существующую одновременно в прошлом и настоящем и обращенную в будущее», а культура - «только конкретный результат развития духовных ценностей цивилизации, имея строгое ограничение во времени и пространстве, то есть выступает в контексте своей эпохи» [Платонов, 1995, с. 5]. Поэтому исследование понятий «культура» и «цивилизация» как терминов лингвокультурологии, очевидно, является необходимым для понимания глубин национального сознания, духовно-нравственных и материальных форм существования народа.

Понятие «культура» - историческое: оно одновременно и подвижно, и устойчиво. Употребление культурем должно опираться на традицию, культурно-исторический узу, различные временные осмысления в их единстве.

Одна из важнейших задач и перспектив в изучении русской культуры (и других культур) - воссоздание исторической целостности, сохранение и «воскрешение» утраченного национального достояния, равно как и создание новых ценностей современной эпохи. Такой существенной задачей, в частности, является исследование, воссоздание системы понятий такой категории, как «русская национальная личность». Ее изучение имеет сегодня первостепенное значение, ибо позволяет открыть и освободить от всяческих наслоений русскую идеологию действия, вне которой русский человек уязвим и ущербен.

Настоящее исследование в отличие от многих работ собственно культурологического плана является лингвокультурологическим. Поэтому в дальнейшем понятие «культура» рассматривается применительно к аспектам его взаимодействия с языком.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, говоря в своей книге «Язык и культура» о лингвострановедении как одном из перспективнейших разделов методики преподавания русского языка иностранцам, считают, что теория лингвострановедения, несмотря на «уже достигнутые немалые результаты, все еще находится в периоде интенсивных поисков» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 7].

Перспективы широкого и глубокого исследования проблемы «язык и культура» сдерживаются, по их мнению, рядом трудностей: «Мысль о необходимости выйти за пределы «техники языка» и обратиться к одновременному соизучению национальной культуры народа насчитывает в прошлом не одно десятилетие. Надо, однако, заметить, что в развитии этого тезиса наблюдались и наблюдаются неоправданные крайности. У нас методисты, отражая догматизм мышления предшествующих десятилетий, были склонны к излишней всеохватывающей политизации и идеологизации русского языка. В США же, напротив, развивались лингвистически столь же предвзятые концепции «этнической нейтральности» или даже «денационализации» английского языка, будто бы лишенного какой-либо лингвострановедческой (национально-культурной) окрашенности в функции «мирового» средства общения» [Там же, с. 6].

В наиболее явном виде связь «личность (человек с его мышлением) - язык - культура» обнаруживается в трудах В. фон Гумбольдта: «Сумма всех слов, язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека <...>; изучение языка открывает для нас, помимо собственного его использования, еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке» [Гумбольдт, 1956, с. 348]. По В. Гумбольдту, язык - хранилище народного духа, культуры, «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках» [Там же, с. 349]. Человек не укладывается в границы языка, за которым стоит предметный и духовный мир культуры.

Язык всегда воплощает своеобразие народа, национального видения мира, национальной культуры. «Изучение языков мира, - подчеркивал В. Гумбольдт, - это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека» [Там же].

С точки зрения интересующей нас проблемы труды В. Гумбольдта особенно существенны в трех отношениях. Ученый выдвинул следующие фундаментальные положения: 1) язык как непрерывный осмысленный творческий процесс созидания есть выраже-

ние «духа народа», его национальной культуры, которая воплощается в языке и передается потомкам; 2) язык играет важнейшую роль в познании действительности, в формировании вполне определенной «картины мира» (Weltbild), которая создается под влиянием того или иного языка как отражения определенного способа представления внеязыковой реальности, то есть национальной внутренней формы языка, мировоззрения его народа; 3) народ - такой же организм, как человеческий индивид.

Язык, с одной стороны, и духовная, и материальная культура, с другой - оказываются соотносительными и неразрывно связанными. При этом первый является национальной формой выражения и воплощения второй. С предельной ясностью эти положения сформулированы В. Гумбольдтом в его труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества»: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия. И наоборот, вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка. Ибо слово возникает как раз на основе этого восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе <...>; в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между предметом и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно - да даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, - живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (herauspinnt) язык изнутри себя, он вплетает (einspinnt) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1956, с. 80].

Мы намеренно полно процитировали отрывок из указанной работы В. Гумбольдта, одного из основоположников теоретической лингвистики, так как в нем в концентрированном виде изложены основные положения взаимодействия языка и культуры.

Приобщаться к богатствам культуры, как классической, так и современной, люди могут лишь с помощью языка. Это положение

играет роль организующего методологического принципа. Благодаря языку как системе значимых звуковых (графических) единиц происходит определенное, национальное «членение» действительности на «сегменты». Человек неизбежно формирует определенную «картину мира», в том числе культурологическую, под влиянием языка, системы его единиц, находящихся в определенных отношениях. Конечно, было бы неправильно думать, что язык и мышление в конкретных языковых понятиях формируют действительность. Это субъективная сторона вопроса. Объективна же сама действительность благодаря ее отражению в сознании человека, но не без языка, его системы, предрасполагающей к определенному восприятию мира, отражается в сознании людей, народа в конкретных языковых формах (системах единиц).

Развивая мысль В. Гумбольдта о «промежуточном» положении языка между человеком и миром, его последователи, сторонники целого лингвистического направления, известного под названием неогумбольдтианства, активно развивают учение о языке как о некотором «промежуточном мире».

Глава этой лингвистической школы Л. Вайсгербер исходит в своей теории слова (языка) из «трехчленной» его модели: 1) звуковая форма, 2) мыслительное построение и 3) предметы и явления внешнего мира. Второй элемент (мыслительное содержание) включается в язык (слово) в качестве компонента его семантики, семантической системы, которая и рассматривается как «картина мира» данного языка. Она представляет по своей природе своеобразный «промежуточный языковой мир», создаваемый творческим духом нации, отграничивающим человека от природы и одновременно соединяющим его с ней [Вайсгербер, 1953, с. 69 и след.]. Поэтому язык должен изучаться в его трех измерениях: звуковом, понятийном, действенном. Соотношение составных частей (членов) модели Л. Вайсгербер иллюстрирует схемой [даны русские примеры и названия ее частей; см. Там же, с. 69 и след.]:

звуковая форма	умственный предмет содержание слова	внешний мир предметы и явления
промежуточный мир		
ягода		
дядя	(мыслительное построение)	брат отца брат матери муж сестры отца муж сестры матери

В промежуточном психическом мире зарождаются и функционируют связи звуковых форм и внеязыковых предметов. Благодаря определенной связи «смыслов» со звуковой формой слов соответствующий «сегмент действительности» («пространство мира») определенным образом расчленяется (точнее: отражается в сознании с помощью языка), а сами слова могут получать в разных языках при соотносительных системах объектов различную значимость как результат лингвистической относительности, теории, согласно которой абсолютная реальность мира по-разному сегментируется знаками в семантической структуре разных языков. Так, один из фрагментов обозначений родства обнаруживает различную значимость единиц, если обратиться к соотносительным единицам разных языков:

языки значения	венгерский	французский	малайский
"старший брат"	batya	frer	
"младший брат"	occs		sudara
"старшая сестра"	nene	soeur	
"младшая сестра"	hud		

По Л. Вайсгерберу, «языковое поле», обозначающее степень родства, зависит от «духа языка» и образует его специфику и характерные особенности, которые влияют, в свою очередь, на мышление говорящего на нем народа. Расчленение этого поля в различных языках различно, поэтому в представлении разных народов сложились различные системы родства, что собственно и показано в данной схеме.

Решение вопроса о сущности языка, его связи с культурой у Л. Вайсгербера тесно связано с его философскими взглядами. Сущность языка заключается в том, что он является «силой», действие которой осуществляется в следующих формах: язык как «сила духовного формирования», как «сила культурного творчества», как «сила исторической жизни». Язык как «сила», формирующая представление человека об окружающем мире, определяет его «миропонимание», его внутреннюю форму и оказывает влияние на культуру народа.

Понятия «(языковая) картина мира» и «промежуточный (языковой) мир», основанные на учении В. Гумбольдта о внутренней

форме языка (слова), являются, с одной стороны, формой представления данной национальной культуры, а, с другой - сопоставительной интерференцией разных культур, отраженных в различных национальных языках.

Органическая связь «человек (национальная личность) - язык - культура (система материальных и духовных ценностей)» является основой и моделью раскрытия содержания каждого из этих составляющих.

В основе настоящего исследования лежит изучение объекта «от лингвистики» как непосредственно данного филологу.

В этом отношении наибольший интерес представляют работы ученых тех направлений, в которых непосредственно связывают между собой такие объекты, как язык и культура.

Язык закономерно рассматривается как система, через структуру которой объективно интерпретируются «социально-культурные гештальты» - феномены культурных ценностей. Критически рассматривая одно из направлений исследования проблемы «язык и культура», связанное с гипотезой Сепира - Уорфа и теорией лингвистической относительности, В.А. Звегинцев отмечал, что между явлениями культуры и фактами структуры языка нет прямой причинной зависимости (так, народы нередко меняют свой язык, сохраняя в значительной степени нетронутыми культурные установления), в то же время подчеркивал, что «между ними несомненно существует общая зависимость, благодаря которой изменения в культуре могут находить косвенное, опосредованное отражение в языке. Возникновение конкретных фактов языковой культуры, в конечном счете, может быть стимулировано культурным развитием общества. При этом форма языкового выражения новшеств, истоки которых лежат в фактах культуры, определяются структурными особенностями данного конкретного языка. Именно в этом смысле допустимо говорить о возможности опосредованных влияний культуры на язык» [Звегинцев, 1960, с. 133].

Сам Б.Л. Уорф в работе «Отношение норм поведения и мышления к языку» [1960], на вопрос, как создается сплетение между языком, культурой и языком, и какое влияние было первично, отвечал, что в основном они развивались вместе, постепенно влияя друг на друга. Но в этом союзе сама природа языка является тем фактором, который сдерживает его развитие: «Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким обра-

зом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения, это происходит моментально» [Уорф, 1960, с. 164].

Следует подчеркнуть методологически важную мысль: язык как устойчивая система аккумулирует изменения норм культуры не сразу, не сиюминутно, а тщательно «фильтруя» нововведения, испытывая их «на прочность», прежде чем отложить в арсенал своих ценностей. В этом нельзя не видеть одного из объективных критериев прочности закрепления того или иного факта, явления как феномена культуры.

Метод встречного, паритетного описания культуры через факты ее отражения в национальном языке и интерпретации самих языковых фактов через «глубинный внеязыковой, культурный компонент» (так наз. «вертикальный контекст») представляется на основании сказанного выше весьма объективным и конструктивным в плане поставленной теоретически и практически проблемы «язык и культура». Раздельные исследования этих аспектов (или преимущественное - одного из них) большого эффекта не дают. Такой комплексный подход оказывается в русле современного «укрупнения» объекта науки о языке и синтеза собственно лингвистических методов с методами других, смежных наук. Правила использования языка, как такового, оказываются недостаточными в тех случаях, когда они должны дополняться сведениями культурологического порядка. В таких случаях необходима внеязыковая (то есть выходящая за пределы собственно языка) познавательная, когнитивная ориентация. «Выявить «способ осуществления речи» («*fashion of speaking*») или «когнитивный стиль» это, - подчеркивает Д.Х. Хаймс, - с точки зрения метода, всего лишь упражнение на построение модели (такая практика обычна в антропологии) и в первом случае в значительной степени форма типологизирования. Вывод о наличии когнитивной ориентации, который приходится иногда делать, чтобы стали понятны некоторые данные (например, постоянные семантические сдвиги едва ли можно объяснить иначе, чем каким-то сдвигом в когнитивной ориентации), или указания на аналогичные структуры в других аспектах культуры - все это само по себе еще не свидетельствует о позиции, занятой по отношению к источнику или статусу обнаруженных явлений» [Хаймс, 1975, с. 234]. В тех случаях, где употребление речи по указанным выше причинам затруднено, необходима дополнительная когнитивная (социально-речевая) ориентация: языковой контекст должен корректироваться культурологическим, опираться на более глубокие

сведения лингвокультурологического характера, так как «имеется близкое соответствие между языковой моделью и неязыковым поведением» [Хаймс, 1975, с. 237-238].

Передача внеязыкового, когнитивного «со-значения» для адекватности речевого употребления, отражающего специфику культуры, должна обеспечиваться соответствующими данными словарей. Известный семантик У. Вейнрейх, давая критическое рассмотрение словарных дефиниций, попытался «присоединить к своей теоретической модели некоторый не совсем четко определенный компонент, ориентированный на социальную реальность и являющийся продуктом деятельности с гораздо более давними традициями, чем лингвистика» [Делесаль, 1983, с. 263]. Такой компонент способствует приобретению у читателя словаря (особенно иностранца) определенных социальных представлений (*images sociales*), «всегда сложных, преимущественно интуитивных, обусловленных прагматическими целями и опирающихся на систему социально-культурных ценностей» [Там же].

Таким образом, введенные В. Гумбольдтом в научный обиход понятия «внутренняя форма» и «картина мира» (позднее - «промежуточный мир» у Л. Вайсгербера) закономерно привели к определенному методу анализа языка и культуры, опирающемуся на понятие «лингвистической относительности». Застывшие и часто даже «окаменевшие» в языке факты культуры часто вбирали в себя наиболее существенное, характерное, специфически национальное, что нередко становится предметом специального анализа, например, языка и культуры хопи у Б.Л. Уорфа [1960, с. 135 - 182]. Гипотеза Сепира-Уорфа, несмотря на ее справедливую критику, интересна самой постановкой проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка, мышления и культуры. Работы этого направления «сосредоточили на таких фактах и явлениях, что советские лингвисты в последнее время несколько отошли, но которые необходимо осмыслить с теоретических позиций советской науки о языке» - писал В.А. Звегинцев [1960, с. 134].

М. Блэк, анализируя теоретические воззрения Б.Л. Уорфа, приводил в статье «Лингвистическая относительность» слова Э. Сепира: «Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы». Смысл гипотезы Сепира - Уорфа можно, по Блэку, свести к нескольким положениям [Блэк, 1960, с. 200]: язы-

ки воплощают «совокупность речевых моделей» или «основу лингвистических систем», складывающуюся из установленных способов выражения мысли и опыта; говорящий на родном языке обладает «системой понятий» для «организации опыта» и определенным мировоззрением; лингвистическая система в известной мере определяет связанную с ней понятийную систему; основа лингвистической системы в значительной степени предопределяет связанное с ней мировоззрение; восприятие «фактов» и «сущность вселенной» - производное от языка, на котором о них сообщается и о них говорят; грамматика и логика не отражают действительности, но видоизменяются от языка к языку.

Учет этих и некоторых других положений (при условии их правильного истолкования) - необходимая предпосылка общего и частных анализов лингвокультурологических проблем. Полученные как результат частной методологии в этнолингвистике, они, тем не менее, отражают некоторые важнейшие положения общей теории взаимосвязи языков и культур.

Проблематика цикла «язык и культура» требует дальнейшей разработки с учетом системных методов, применяемых в естественных и гуманитарных науках. Полученные здесь результаты и ряд новых соображений могут определить перспективы дальнейших разысканий в этой области. Общая стратегия исследования состоит в динамическом развертывании принципиальной схемы соотношения таких понятий, как «человек» («национальная личность») - **Л**, «язык» - **Я** (и «мышление» - **М**), «культура (материальная и духовная)» - **К**:

Разумеется, всякая схема, как и сравнение, «хромает», не может показать всю сложность взаимоотношений компонентов. Но главные понятия связи и закономерности отношений составляющих она принципиально определяет: человек (личность), «окруженный» его национальным языком (и мышлением), в его отношении в преобразующей деятельности к природе, «окультуриваемой» им. Язык является посредником между человеком и природой. Только в ре-

зультате разумной сознательной деятельности «предметы» природы становятся «элементами» культуры - артефактами. Развитие культуры не имеет пределов, подобно тому, как человеческий опыт бесконечен. Язык же, имманентно развиваясь, развивает и общественное мышление. Признавая национальный характер мышления и его зависимость от языка, считаем, вслед за В. Гумбольдтом, что национальные особенности мышления тесно переплетаются с общечеловеческими, независимыми от конкретного языка.

Исследование проблематики «язык и культура» целесообразно вести в рамках особой научной дисциплины, сходной с другими, но в то же время отличной от них, - **лингвокультурологии**.

§ 2. Лингвокультурология - новая научная дисциплина

Как уже отмечалось выше, исследование проблемы «язык и культура» ведется в различных направлениях. Одним из них и наиболее близким предлагаемой в работе концепции является лингвострановедение. «Изучающие иностранный язык, - подчеркивают новаторы этого направления Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, - обычно стремятся, прежде всего, овладеть еще одним способом участия в коммуникации. Однако, усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [*Верещагин, Костомаров, 1990, с. 4*].

Лингвострановедение связывается теснейшим образом, прежде всего, с преподаванием языка. Его проблематику составляют два круга вопросов: 1) филологический (прежде всего, лингвистический), то есть анализ языка, например, русского, с целью выявления национально-культурной семантики, и 2) лингводидактический (методический) - приемы презентации, закрепления и активизации специфических для данного национального языка единиц и страноведческого прочтения текстов; задачи обучения русскому языку здесь неразрывно связываются с задачами соизучения страны [*Там же, с. 7*].

Среди основных методологических принципов, образующих основу лингвострановедения, главным нам представляется второй, разумеется, тесно связанный с другим: понимание процесса изучения и преподавания русского языка как аккультурирования учащихся, усвоения существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры, раскрываемой соответствующим иностранным языком [*Там же, с. 10*]. Это по существу - конечная цель и основная задача лингвострановедения.

Лингвострановедческий аспект проблемы «язык и культура» получил разностороннее освещение в целом ряде работ теоретического и практического характера, что позволило достичь значительных успехов в изучении русского языка и усвоении русской культуры. Такой комплексный подход в обучении демонстрирует большие потенциальные возможности языкового пути познания страны изучаемого языка, ее культуры и вместе с тем формирует позитивную установку обучающихся по отношению к данной стране, ее народу.

Проблематика лингвострановедения раскрывается в обобщенном виде в аналитическом обзоре В.В. Молчановского «Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка как иностранного», где выявляются основные направления лингвострановедческих исследований и понятий, это: 1) изучение национально-культурной семантики русского слова, 2) анализ национально-культурной семантики русской фразеологии и языковых афоризмов, 3) разработка вопросов учебной лингвострановедческой лексикографии, 4) обоснование лингвострановедческого аспекта учебников русского языка, 5) лингвострановедческое рассмотрение текста, 6) анализ лингвострановедческой роли невербальных языков, 7) изучение лингвострановедческой зрительной наглядности, 8) рассмотрение художественной литературы и других видов искусства в лингвострановедческом аспекте, 9) учет родного языка и национальной культуры адресата, 10) учет связи лингвострановедения с будущей специальностью студентов, и др. [Молчановский, 1985, с. 8-39]. Как показывает анализ библиографий в аналитическом обзоре [Там же, с. 52-89] и позднейших работах, господствующим в лингвострановедении оказывается учебный, методический аспект, что вполне согласуется с известным определением лингвострановедения:

«Л и н г в о с т р а н о в е д е н и е м называется аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу - ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 37]. Сравним в другом месте той же работы: «Л и н г в о с т р а н о в е д е н и е представляет собой методический, лингводидактический аналог социолингвистики. Социолингвистика изучает экстралингвистический план языка как

таковой с сугубо познавательными целями. Лингвострановедение занимается экстралингвистическим планом языка с точки зрения учебного процесса, то есть с прикладными целями» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 16].

Лингвокультурология как научная дисциплина, существенно согласуясь в своих принципах изучения объекта с лингвострановедением, характеризуется вместе с тем рядом специфических особенностей, важнейшие из которых следующие.

1. Лингвокультурология - закономерная ступень в области филологических и других гуманитарных наук - это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение. Вопросы преподавания языка оказываются здесь производными.

2. Основным объектом лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия, как единой системной целостности. Главные проблемы здесь - методологические (философские) и филологические (лингвистические и др.). Содержание лингвокультурологии, оправдывающее ее выделение в самостоятельное направление знания, должно иметь своим предметом национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации, основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества.

3. Предмет исследования лингвокультурологии - материальная и духовная культура, созданная человечеством («от орудий труда до предметов домашнего обихода, от привычек, обычаев, самого образа жизни людей до науки и искусства, религии и атеизма, морали и философии» [Бромлей, 1984, с. 5], то есть (системы артефактов [от лат. *artefactum* {*arte* (искусственный), *factus* (сделанный)}], искусственно сделанное; в термин вкладывается следующее содержание: материализованный объект культуры, продукт производства, творческого труда, произведения культуры (вещи «второй природы» и идеи)), выраженные в языке. Короче, все, что составляет «языковую картину мира».

4. Лингвокультурология как своеобразная современная преемница лингвострановедения ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную, (а не «урезанную») интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культурной жизни страны. Произшедшие в жизни народов изменения, ориентация на новые приоритеты требуют действенной,

полной, правдивой информации. Нужны новые формы ознакомления иностранцев с нашей действительностью, образом и стилем жизни русского народа, культурой, так как «лобовые» формы пропаганды принесли больше вреда, чем пользы. А это требует не «избирательного» подхода, не «вырывания» отдельных (пусть, казалось, выгодных) фактов, которые на деле разрушали систему культуры, а всеобщего, целостного охвата явлений и событий. Для лингвострановедения как гуманитарной науки были великим унижением «лобовая» презентация советской действительности, идеологизированное освещение только положительных ее сторон и идеализация социальной реальности. Примером сказанному является, например, материал лингвострановедческого словаря «Советское общество»: «Идеи свободы, гуманизма, прав человека наполнены в советском обществе реальным содержанием. Социализм создает все более благоприятные условия для всестороннего развития личности» [Еськов, Кузнецов, 1988, с. 5]: Эти утверждения, а там их достаточно, противоречат реальной действительности и наносят существенный вред учебному процессу. В лингвокультурологии нужен новый подход, разумеется, очищенный и свободный от прежних идеологических ограничений.

Диалектика развития культуры как общественного явления - это не только показ положительных явлений, но и раскрытие тех противоречий, которые неизбежно существуют во всяком развивающемся явлении. Анализ определенных негативных процессов, без которых трудно понять подлинное развитие культуры, раскрытие истинного содержания надо рассматривать как некоторый шаг вперед. Естественно, что здесь происходит переоценка многих явлений, скажем, русской философии, религии; критическая оценка социалистического реализма, то есть всего того, что сегодня звучит по-новому. Задача заключается в том, чтобы не скрывать, а раскрывать все подлинно, во всей полноте и правдивости. Лингвокультурология должна действительно делать акценты не на проходных политических событиях, на относительно мелких свершениях, не уделять внимание малосущественному, а показывать жизнеопределяющие потоки, ирригационные культуры, например, коллективные судьбы и общие движения, политику и людей, то, что относится к проблемной, глобальной, а не событийной истории. В этой связи принцип «одновременного ознакомления с современной советской действительностью», излишне идеологизированный подход требует кардинального переосмысления и ведет к обращению к духовной жизни русского народа, высвобождающейся от канонов классовости и партийности. Для полного выявления в ней культурологических

закономерностей необходимо более ясное представление об имманентных свойствах культуры.

5. Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует соответствующего системного подхода в ее описании. Поэтому важнейшей задачей лингвокультурологии и ее характерной отличительной особенностью является системное представление культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработка понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Наиболее плодотворным описанием взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры представляется метод семантического поля, хорошо зарекомендовавший себя при описании лексики и других уровней языка [Караулов, 1976, 1981; Теория функциональной грамматики, 1987 и др.].

В книге разрабатывается основная комплексная единица описания объекта - лингвокультурологическое поле как иерархическая система его единиц - лингвокультурем. Каждое такое поле дает для определенного народа свою «картину мира», сопоставление которых у разных народов вырисовывает сходство и различия в их языках и культурах.

Системное описание объекта может быть оптимально осуществлено только в рамках семиотической модели, в единстве семантического, сигматического и прагматического измерений объектов [Клаус, 1967, с.13-17; Новиков, 1983, с. 157; Morris, 1938, p. 48-74]. Это особенно существенно для таких прагматически выраженных систем, как лингвокультурологические, в которых исследуются различные опосредования знаков, несущих не только собственно языковое, но и внеязыковое содержание (выражение понятий и коннотаций «предметов» культуры).

Таковы в общих чертах сходство и различия между лингвокультурологией и лингвострановедением.

Лингвокультурология связана, а в некоторых вопросах тесно смыкается, с этнолингвистикой - наукой тоже комплексной, пограничной между этнографией (этнологией, народоведением), изучающей бытовые и культурные особенности народов, проблемы их происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений, и лингвистикой.

Основное направление этнолингвистических исследований - изучение взаимодействия лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка. Эта дисциплина возникла в недрах этнографии на рубеже XIX-

XX веков и получила особенно широкое развитие в американской лингвистике в связи с изучением индейских племен Северной и Центральной Америк (Боас [1926] и др.). В центре внимания этой науки находятся такие вопросы, как изучение генетического родства народов (например, американских индейцев), языкового контактирования, би- и мультилингвизма, влияния социокультурных факторов на развитие языка, реконструкции духовной этнической культуры на основе данных языков и др. Как видно, этнологическая проблематика оказывается здесь явно преобладающей, а главное внимание сосредоточивается не столько на целостном описании лингвокультурного феномена, сколько на бытовых и культурных особенностях народов. По сравнению с лингвокультурологией, ориентированной на современность и общепринятую нормативность, объект исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры. Вместе с тем лингвокультурологию и этнолингвистику роднит применение в них метода исследования языка и культуры (поле, компонентный анализ, лингвистическая относительность и ее реализация в виде разных «картин мира» для различных языков).

По сравнению с лингвокультурологией «культурный феномен» оказывается отодвинутым среди общей проблематики и в другой смежной области исследования - социальной лингвистике (социолингвистике), которая изучает «общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество» [Бондалетов, 1987, с. 10]. Непременным «компонентом» общества является его культура, поэтому в социолингвистике также уделяется внимание вопросу о связи и взаимодействии языка и культуры: «Связи между языком и другими компонентами культуры носят двусторонний характер. Процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 481].

Лингвокультурология наряду с культурфилософией, социологией культуры, культурной антропологией, культурпсихологией, историей культуры может рассматриваться как один из основных блоков культурологии [Арнольдс, 1993; Мамонтов, 1994], гуманитарной области знания, изучающей «мир в контексте его культурного существования, то есть со стороны того, чем этот мир является для человека, каким смыслом он для него наполнен. Она занимается интегративным изучением системного объекта культуры как человеческого оформления существования, как утонченной, исполнен-

ной разума формы жизни, результата духовной и практической деятельности» [Культурология: XX век, 1994, с. 4]. Культурология ориентирована на познание различных форм культурного существования людей в единстве: теоретическое построение инвариантных моделей культуры и исторический показ реального процесса ее развития. Культурология стремится к универсальной синтетической точке зрения «о прошлой и современной культурной жизни, структуре культуры, ее функциях, перспективах развития» [Там же, с. 5]; предметом ее исследования «служит культура как общественное явление и способ жизни человека, выражающий его родовую специфику» [Соколов, 1989, с. 3].

Культурологический подход «применяется при анализе поведения на основе таких элементов культуры, как общественные правила (действительные или подразумеваемые) и общественные ценности (вытекающие из религиозных, политических и социальных интересов)» [Smelser, 1988, с. 22]. Культурология исследует не «сами технологии деятельности» (социальные, этнические, политические, нравственные, системы бытовых и ментальностей и т.д.), а знание о них (как основное содержание социальной коммуникации), место этого знания (фрагмента деятельности) в системе общественного сознания и «картине мира» [Флиер, 1993, с. 137]. Лингвокультурология же исследует «языковую картину мира».

Если культурология как «метанаука, способная, не нарушая целостности воззрения на феномен, исследовать культуру в нескольких плоскостях с разноуровневых точек, в разнообразных взаимосвязях» [Савельев, 1992, с. 22], стремится к пониманию мира человеческой культуры не как простое скопление разрозненных фактов, то лингвокультурология как «металингвистическая» наука дает системное описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи.

Таким образом, лингвокультурология, возникая на «пересечении» ряда смежных наук и тесно взаимодействуя с ними, - культурологией (системой наук, изучающих культуру), лингвострановедением, этнолингвистикой, социоллингвистикой, имеет по сравнению с ними свою специфику и свой особый, «интегративный» аспект изучения проблемы «язык и культура». **Лингвокультурология - комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные при-**

оритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей).

По нашему мнению, лингвокультурология - это новая исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре. Она не только расширяет диапазон исследовательской идеи, но позволяет глубже и многостороннее осознавать ее возможности и резервы.

Лингвострановедение в этой связи может рассматриваться, с нашей точки зрения, как практическая реализация лингвокультурологии в процессе преподавания русского языка иностранцам, то есть как ее прикладной аспект.

Некоторые методологические проблемы, исследуемые в рамках лингвострановедения (и, прежде всего в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1980, 1983, 1990], Г.Д. Томахина [1984], М.Д. Зиновьевой [1995], Ю.Е. Прохорова [1996] и др. (см.: [Молчановский, 1985]), являются по своей сути и содержанию лингвокультурологическими.

Таким образом, термин «лингвокультурология» представляется более широким, так как наряду с проблемой описания культуры и языка в процессе его функционирования он предполагает включение и эмпирических исследований этих явлений.

§ 3. Семиотическая модель изучения языка и культуры

Реализовать принципы системного подхода в лингвокультурологии далеко не просто: во-первых, пока нет единого корпуса текстов о культуре, и, во-вторых, не существует общего языка для ее описания. Думается, что целостное и системное описание рассматриваемого объекта целесообразно проводить, используя термин У. Эко, в рамках семиотического поля как модели исследования [Эко, 1972, с. 18]. Тогда культуру можно представить функционально в виде особой коммуникации (Kultur als Kommunikation), которая объясняется через соответствующие метаязыки и конструируется посредством их единиц. Ср.: «Семиотика исследует все культурные процессы как процессы коммуникации» [Там же, с. 38].

Применительно к поставленной в работе проблеме семиотическое поле У. Эко является некоторым обобщенным неконкретизированным аспектом лингвокультурологического поля, о котором речь пойдет дальше.

Интерпретация культуры как функции (коммуникации) «языков» (от естественного - до языка искусства и др.), разумеется, требует представления определенной системы как структуры единиц,

обладающих смыслом, прагматическими (модальными) свойствами и определенной денотативной ориентацией.

Все свойства единиц - знаков, наделенных значениями, способна опосредовать лишь семиотическая модель как способ их системной организации и одновременно модель исследования.

Лингвокультурологические единицы (знаки и их значения) даны нам в процессе их функционирования, в семиозисе, в котором основатели семиотики Ч. Пирс, Ч. Моррис и др., основываясь на взглядах своих предшественников, выделяли три компонента: 1) знак (sign), 2) десигнат (designatum), 3) интерпретанту (interpretant) и, кроме того, 4) интерпретатора (interpretater) [Morris, 1938, p. 39], то есть: 1) знаковое средство, например, звучащее или написанное слово, 2) класс объектов (в том случае, когда объект существует как реальный предмет, это денотат), 3) смысл, содержание знака и 4) субъект.

В современной семиотике обычно выделяют три уровня исследования знаковых систем и соответственно три ее аспекта: это - 1) синтактика, где исследуются отношения между знаками и способы их употребления, 2) семантика, в которой изучается содержательная сторона знаков, их смысл и 3) прагматика, предметом которой является рассмотрение отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения [см. напр.: *Философский энциклопедический словарь*, 1983, с. 601].

Однако эта традиционная схема оставляет в стороне еще один аспект, имплицитно присутствующий в семантике, но требующий особого внимания, тем более, если речь идет об анализе внеязыкового содержания, например, культуры, как в нашем исследовании: это отношение «знак (единица) - предмет». На это обстоятельство обратил внимание немецкий философ, логик и семиотик Г. Клаус, выделивший еще один - и чрезвычайно важный для нас четвертый - аспект семиотики: «Языковой знак, однако, имеет не только функцию значения, но и функцию обозначения, он обозначает (называет) нечто. Например, выражение «неподвижная звезда» обозначает класс солнц. Это обозначение может быть выражено символически отношением $R_3 (Z, O)$ или обратным отношением $R_3 (O, Z)$, причем Z есть языковой знак, а O объект (индивид, класс предметов, отношение между ними (1) $\langle \dots \rangle$ Образно говоря, знаки - это «этикетки» объектов $\langle \dots \rangle$ Отношения $R_3 (Z, O)$ и $R_3 (O, Z)$ ха-

1) R_3 - символ сигматического отношения [В.В.], R_2 - семантических, R_1 - синтаксических.

рактируют сигматическое отношение. Дисциплина, которая изучает эти отношения, называется - сигматикой» [Клаус, 1967, с. 15-16].

Таким образом, мы можем говорить о четырех аспектах модели семиотического описания объектов:

знак -	знак -	синтактика
знак -	значение -	семантика
знак -	объект -	сигматика
знак -	человек -	прагматика

Плодотворность такого подхода объясняется тем, что при нем оказываются органически связанными все компоненты семиозиса. Она более подтверждена рядом исследований, например, семиотической моделью лексического и грамматического значения [Новиков, 1982, с. 11-14, с. 88 -108], где наряду с другими видами значения выделяется сигматическое значение (или актуальный смысл) языковой единицы, общетеоретической моделью лингвистики, философии и искусства [Степанов, 1985], поэтики [Барт, 1975, 1994] и др.

Выделение сигматики чрезвычайно актуально для исследования лингвокультурологической проблематики, так как она открывает выход в предметно-понятийный, внеязыковой мир.

Приведем в качестве иллюстрации одну из единиц соответствующего поля - наименование **баня**. Это слово является, скорее всего, общеславянским заимствованием (сравним: укр. баня, сербохорв. банья, болг. баням) из народной латыни: «*baneum* (лат. *valneum*), откуда франц. *bain*, итал. *vagno*» [Фасмер, 1967, с. 121]. Собственно языковое содержание (лексическое значение) слова раскрывается в словарях, например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, как «специальное помещение или учреждение, где моются и парятся» [1984, с. 36]. Однако такой дефиниции явно недостаточно, чтобы получить представление о самой реалии как предмете материальной культуры.

Языковая семантика ограничивается в силу обобщающего характера слова (языка) общим представлением о реалеме - инварианте реалий, том неизменном и существенном, характерном, что свойственно всем предметам данного класса [Толстой, 1968, с. 29], то есть о некотором «усредненном» классе предметов, представленном обобщенно. Таково, например, инвариантное понимание бани (независимо от ее разновидностей и т.п.), стола (в отвлечении его вида, количестве ножек, формы крышки).

«Внеязыковая семантика» - сфера специального (понятийного) знания и конкретных реалий как элементов, предметов клас-

са. Она и раскрывает (вместе с собственно с языковой семантикой и через язык) культуру народа.

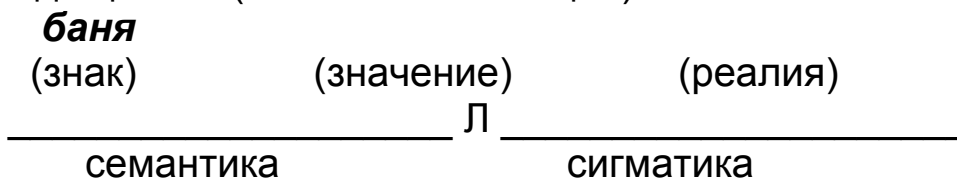
Такую внеязыковую, «культурную картину» представляют словари энциклопедического типа, а также частично и фрагментарно некоторые толковые словари. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля в толковании существительного **ба-ня** содержится значительная внеязыковая информация, раскрывающая предметную сигматическую характеристику обозначаемого как русского культурного артефакта: «паровая, русская баня, строение или покой, где моются и парятся, не просто в сухом тепле, а в пару, почему важнейшие части бани: калильная печь с булыжником (каменка) или с ядрами и чугунным бьем (чугунка), или с колодою в виде опрокинутого котла с завороченными окраинами; затем полк с приступками и - подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на коих моются; чаны с горячею и холодною водою или краны для этого в стене; шайки для мытья и оката; вехотки (мочало) для мылки, веники (дубовые и березовые для парки). При порядочной бане есть предбанник, где раздеваются, отдыхают, запивают баню квасом» [Даль, 1994, т.1, с. 45].

Толкования подобного вида уходят своими корнями в область культуры (в данном случае - материальной) благодаря ярко выраженному сигматическому аспекту значения - раскрытию внеязыкового содержания слова, показу самого класса предметов им обозначаемого, характерных признаков и особенностей предмета (тип мытья: не просто в сухом тепле, а в пару; части бани: печь разных видов, место, где парятся, приспособления и орудия для мытья и парки; и русские обычаи: запивать бани квасом и т.п.). При сопоставлении толкований одной и той же единицы в словарях С.И. Ожегова и В.И. Даля отчетливо проявляется различие, с одной стороны, между словом с его лингвистическим определением (уровень языка), а с другой - единицей лингвокультурологического уровня как единства собственно языкового и внеязыкового содержания.

Если собственно языковое содержание единицы (слова) ограничивается только указанием на реалему (так сказать, только «доходит» до нее), то лингвокультурологическая дефиниция как раз и направлена на раскрытие класса обозначаемых предметов во всей их национальной специфике. В концепции четырехмерной семиотической модели, предложенной Г. Клаусом и имеющей бесспорные преимущества перед трехмерной традиционной моделью, отражательный аспект не ограничивается значением как собственно семантической языковой категорией (языковым отражением действительности), а имеет своим конечным объектом референт, рефе-

ренцию, то есть «отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) и объектами действительности)», «способ «зацепить» высказывание за мир» [Арутюнова, 1982, с. 6, 18].

В процессе семиозиса, «захватывающего» внеязыковую реальность (например, культурные ценности), собственно семантический и сигматический аспекты суммируются, взаимно дополняют друг друга до целого (Л - знак конъюнкции):

Традиционный семантический аспект (знак - значение), таким образом, сигматически продвигается до референта (денотата: знак-значение – референт), до его специального исследования как внеязыкового феномена.

Целостность семиотической модели как системного метода анализа лингвокультурологических объектов достигается за счет сведения различных сторон уровней исследования, объекта в единую сущность во всех ее измерениях и опосредованиях, так как одна из «важнейших проблем семиотики состоит в выяснении того, в какой мере эти уровни исследования взаимосводимы друг к другу» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 601]. Разрабатываемая в настоящем исследовании модель и призвана показать преимущество семиотического поля, системно-функционального подхода по сравнению с другими методами.

Итак, «углубление» семантики до «предметной» сигматики обеспечивает способность анализировать объект культуры, выраженный в языке, как единство языковой и внеязыковой сущности, как результат выхода за пределы реалемы, как «погружение» в нее - факт культуры.

С семантическим и сигматическим аспектами, отражающими соответственно содержательную сторону единицы и ее референтную отнесенность, тесно связаны и корреспондируют другие аспекты модели.

Синтактика как одно из важнейших измерений семиотического поля содержит структурные - парадигматические и синтагматические характеристики его единиц: первые указывают на их системные нелинейные отношения, их значимость (valeur, по Соссюру) в парадигме, вторые - на характерные линейные, функциональные отношения единиц, их позиции в тексте, типовую сочетаемость. Таким образом, единица поля оказывается закрепленной и в верти-

кальном (ассоциативном по парадигме) ряду, и в горизонтальном, т.е. в актуальных связях с другими единицами (1).

Парадигматика лингвокультурологических единиц, их системные связи представлены гипонимическими (БАНЯ - финская баня, русская баня и т.п.; белая баня, черная баня и т.п.), синонимическими (сауна, мыкопя - устар. «баня») и другими отношениями (ванная - «комната в квартире, в которой находится ванна, где моются»). Кроме того, в парадигматический ряд названий реалий войдет наименование составных частей и принадлежностей бани: предбанник, полок, печь (каменка, чугунка), колода, лавки, чаны, веники и т.п. Все эти наименования образуют парадигматический ряд поля.

Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями единицы с классами других единиц, так или иначе связанных в текстах с данной единицей: идти в баню, мыться, париться в бане, строить баню, (за) топить, протопить баню, русская баня, финская баня. В них отражается характерное использование обозначаемого как предмета культуры. Нетрудно видеть, что подобная синтагматика выступает как «удвоенная»: для лингвокультурологии существенно не только употребление слов (как для лингвистики), но и характер использования самих реалий (внеязыковой, культурный уровень). Культура с семиотической точки зрения - всегда воздействующий на человека фактор, поэтому особая роль в ее знаковой модели принадлежит прагматике, в собственно языковом плане - эмоционально-коннотативному аспекту. Именно этой своей особенностью культурные реалии и единицы,

1). Ср.: «Входя в состав системы, слово отмечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое. Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. «Французское слово mouton «баран», «баранина» может совпадать по значению с английским словом sheep «баран», не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что, говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет mouton, а не sheep. Различие в значимости между англ. sheep и франц. mouton связано с тем, что в английском языке наряду с sheep есть другое слово, чего нет во французском» [Соссюр, 1977, с. 148]. Как видно, во-первых, значимость есть противная величина, вытекающая из системной организации языка как организованного множества его единиц, а, во-вторых, она корреспондирует с семантикой таких единиц, их различными смысловыми объектами в разных языках. Этим достигается необходимая системно-функциональная интерпретация языковых и лингвокультурологических единиц.

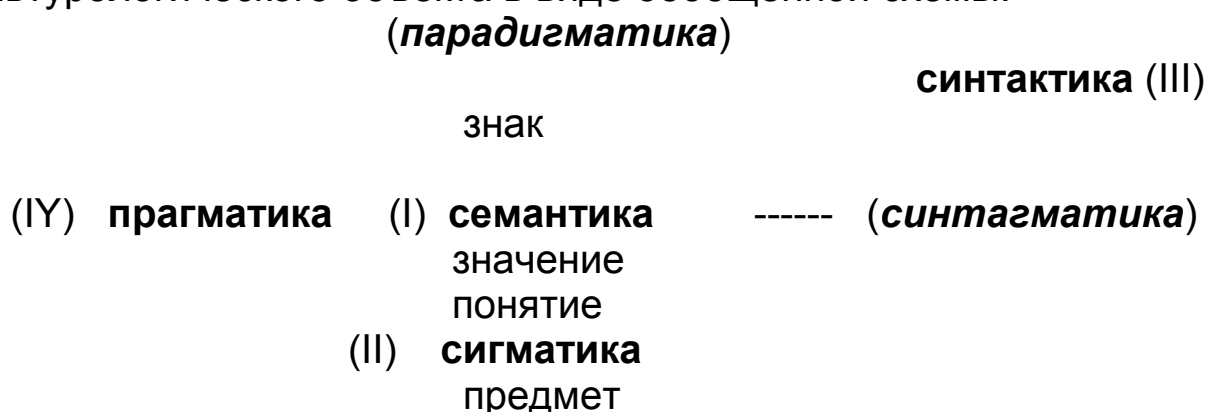
выражающие их, производят такое яркое воздействие, особенно если речь идет о сопоставлении разных языков и культур, например, при изучении русского языка как иностранного. Сравним, например, устойчивые сочетания, в которых передаются обычаи или повышенное эмоциональное состояние после бани, традиционно требующее определенного питья и т.п.: отдыхать после бани, запивать баню квасом; выпить после бани чаю, пива, стопку-другую водки: «Хорошо теперь, Матрена, чайку-то после бани-то» [А.Н. Островский. *За чем пойдешь, то и найдешь*]; сравним экспрессивные сравнения типа: как в бане, как из бани, а также устойчивое сочетание образно-переносного значения задать баню («сделать выговор, выбранить»): «Если невзначай придет доктор, и баню же задаст мне, что аптеку бросил» [А.С. Серафимович. *Две ночи*].

Таким образом, системный метод изучения лингвокультурологических объектов в единстве семантики, синтагматики, синтактики и прагматики, взаимно сводимых друг к другу, позволяет получить о них целостное представление как единицах, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание.

Семантический аспект семиотической модели исследования отражает языковое содержание единицы, сигматический - его референтную сущность, синтаксический - закрепленность единицы в системе (парадигматическую, то есть системную, и синтагматическую, то есть функциональную) и прагматический - ее воздействие на человека.

Как видно, знаковая модель - треугольник Огдена - Ричардса [1953], трапеция К. Хегера [1964] или четырехугольник Г.П. Мельникова [1978] - оказывается «продленной», распространяющейся непосредственно в область материальной и духовной культур, которые в отличие от собственно языковой модели являются не просто «референционной отсылкой», а объектом изучения.

Представим общую семиотическую модель изучения лингвокультурологического объекта в виде обобщенной схемы:

Общее соотношение факторов, определяющих лингвокультурологический смысл, представляет с учетом сказанного выше модификацию геометрической схемы семантики единиц:

Общая семиотическая модель интерпретации лингвокультурологических объектов должна быть конкретизирована при рассмотрении таких понятий, как «**лингвокультурема**» и «**лингвокультурологическое поле**».

§ 4. Лингвокультурема как единица описания

Изучение содержания лингвокультурем и особенно их значений, непосредственно отражающих внеязыковую действительность, может способствовать выяснению сущности взаимосвязей языка и культуры.

Рассмотрение лингвокультуремы как основной единицы описания неизбежно должно включать обсуждение ее обеих сторон - содержания и формы выражения.

При изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена.

В отличие от слова и лексико-семантического варианта (ЛСВ) как собственно языковых единиц лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком.

Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и

экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово:

слово (ЛСВ): знак - значение

лингвокультурема: знак - значение - понятие/предмет.

Слово соотносится с референтом (денотатом), «отсылается» к нему, лингвокультурема раскрывает его содержание как понятие (класса предметов). Первое - ограничивается реалемой [см. § 6 *этой главы*], вторая - отражает специфику и систематизацию реальных (их типов, разновидностей) внутри класса предметов, соотносенных с определенным знаком.

Сходство и различия между словом (ЛСВ) и лингвокультуремой лежат в русле разграничения языкового и понятийно-предметного отражения объектов действительности, по А.А. Потебне, - ближайшего и дальнейшего значений слова: «Что такое значение слова? - писал он. - Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего оспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *д е р е в о*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *п р и ч и н а* или причинного союза - трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *б л и ж а й ш и м*, другую, составляющую предмет других наук, - *д а л ь н е й ш и м з н а ч е н и е м с л о в а*» [*Потебня, 1888, с. 1-2, 7, 8*]. Дальнейшее (понятийно-предметное) значение дает более полное отражение объекта, проникает в его глубокое содержание и не является уже просто языковым намеком подобно обычному лексическому значению. Язык, его единицы выступают, таким образом, как формы выражения мысли: «Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что *с л о в о* называется *ф о р м о ю м ы с л и*» [*Там же*].

Таким образом, слово выступает как общепринятое в языковом коллективе, социально обусловленное средство намекания («формы мысли»), на определенное внеязыковое содержание - понятие как научное и культурологическое отражение соответствующего предмета.

Содержание и характер соотношения составляющих лингвокультуремы становятся очевидными, если обратиться к концепции слова А.А. Потебни, опиравшегося в своих теоретических построениях

ниях на работы В. фон Гумбольдта. Согласно взглядам А.А. Потебни, развиваемым, прежде всего, в его труде «Мысль и язык», в слове «мы различаем внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня, 1913, с. 160]. Внутренняя форма не только репрезентирует мыслительное, внеязыковое содержание (дальнейшее значение слова), но и, что особенно существенно для исследуемой лингвокультурологической проблемы, выражает национальную специфику слова и отражаемой им реалии культуры. Живая внутренняя форма передает восприятие предмета в его национальной специфике: это «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Там же, с. 130-131].

Возьмем простейший пример: существительное круг. Множество предметов, реалий, обозначаемых им, отражаются в его понятийном содержании, прежде всего, как «часть плоскости, ограниченная окружностью». Это дальнейшее значение слова, то есть понятие, входящее в сложную систему понятий геометрических фигур; оно является смысловой опорой нескольких языковых значений более широкой предметной ориентации, но менее определенных, более «размытых» по своей семантике: «часть плоскости, ограниченная окружностью» и одновременно сама «окружность», а также расширительно - «участок земли, поверхности, приближающийся по форме к кругу», «танцплощадка», «сомкнутая цепочка людей», «предмет окружной формы или формы кольца», «замкнутая цепь действий, событий; перечень чего-нибудь», «область, сфера какой-нибудь деятельности», «часть спортивных соревнований», «группа людей, объединенных какими-либо связями», «общественные, профессиональные группировки людей». Единство этих значений, правда, в различной степени, убывающей от центра к периферии, основано на осознании единой внутренней формы: «круг, нечто круглое»:

<u>значение</u>	<u>понятие</u>
«окружность»	«часть плоскости, ограниченная окружностью»
«круг», «предмет» и др.	

внутренняя
форма:
«нечто круглое»

круг
знак

предмет

Слово (знак - значение) как языковая единица по своей структуре как бы составляет часть лингвокультуры (знак - значение - понятие - предмет): сфера первого ограничена языком, второго - распространяется на предметный мир. В этом смысле, несколько нарушая традиционные представления, можно говорить о «предметной семантике».

Внутренняя форма как способ представления действительности в языке является носителем единства слова, средоточием его образности как языкового отношения к мысли, оказывающей прагматическое воздействие и выражающее неповторимую национальную специфику обозначаемого. Так, в сознании иностранца, изучающего русский язык, наряду с процессом запоминания значений русских слов все время коннотируется дополнительное представление: «это слова русского языка», «это русское» [Барт, 1975, с. 16]. Будучи зависимы от социокультурного контекста, коннотативные смыслы, как правило, не фиксируются в толковых словарях, их распознавание зависит от кругозора интерпретатора.

Например, гнездо слова **круг** (круглый, кругленький, округлить, округлиться, округлый и др.) характеризуется положительной коннотацией и в некоторой своей части характеризует специфически русское представление, например, о женской красоте: «Утреннее солнце ярко освещало <...> девушку. Райский успел разглядеть большие и темно-серые глаза, кругленькие, здоровые щеки» [И.А. Гончаров. *Обрыв*]; «Девки с криком вытащили на середину кружка девушку в синем сарафане с алым платком на голове, обхватывавшим кругленькое, загорелое личико» [Д.В. Григорович. *Четыре времени года*]. Сравним: округлые формы, округлости тела и т.п.

Семантика соотносительного французского слова «cercle», лишь частично совпадающая с русским «круг» (концентрические окружности, по кругу, кружиться), «окружение» (круг друзей, расширить свой кругозор, в кругу семьи), «обруч», «клуб» (литературный, драматический, политический), «учебный кружок» и др., «пропитана» иными коннотативными смыслами. В словаре «Nouveau Larousse elementaire» [1976] значение слова «cercle» представлено следующим образом:

cercle (круг)
circonference (окружность)
arc (арка) fleche (стрела)
corde (веревка, петля)
diametre (диаметр)
rayon (радиус)
secante (секущий)
tangente (касательная к кругу)

Члены семантического гнезда *cercler* («набивать обручи», «окружать», «ограничивать»; «кружить»), *cerclage* («набивание обручей на бочку», «надевание железных шин на колеса»), *cerner* (окружать) и другие создают ему иную, чем в соответствующем русском слове коннотацию.

Значит, «погружение» слов в культуру полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, помогает глубже проникнуть в суть культурных ценностей, понять их национальную специфику.

Как видно, структура лингвокультуры оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц. К обычным составляющим (знак - значение) здесь прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуры; между ними не простые, а диалектические отношения, состоящие в сложном противоречивом процессе намекания, одновременно равенства и неравенства языкового и мыслительного содержания. Через понятия (культурно-понятийный компонент как отражение духовной культуры) - прямой выход на обозначаемые классы предметов, то есть в материальную и духовную культуры.

Лингвокультура вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), - устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, особую культурную коммуникацию, не только значение как намек [*Потебня*], но и всю совокупность «культурного ореола». Такая коммуникация определяется «сознательным намерением адресанта сообщить нечто адресату и столь же сознательной готовностью последнего воспринять это сообщение, осуществляющееся с помощью знаков - «сигналов» [*Фуко, 1994*].

Глубина представления, связанного со словом, то есть содержание лингвокультуры находится в прямой связи с лингвокультурологической компетенцией носителей языка [*см. § 6 первой главы*]. Незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена.

Языковой знак как одно из составляющих лингвокультуры, то есть ее форма, сигнализирует не только ее «поверхностное», собственно языковое значение, но и «глубинное» содержание (смысл) как факт (элемент, сегмент) культуры:

лингвокультурема

знак	форма
языковое значение	
культурный смысл	содержание

Существенно подчеркнуть (и это обычно остается без достаточного внимания), что лингвокультурема соотносятся по своему сходству и противопоставляются по своим различиям в отличие от собственно языковых единиц не только на «поверхностном», но и на «глубинных» уровнях. Их специфика в наибольшей степени проявляется именно в лингвокультурологическом плане, где объем дифференциальных признаков, учитываемых в смыслоразличительных оппозициях, несравненно больше, чем в собственно языковых дефинициях единиц. В.М. Солнцев подчеркивает: «Различие между понятием и значением в том, что значение есть «упрощенное понятие», есть с т а б и л ь н о е в п о н я т и и, тот минимум признаков понятия, который закрепляется за знаком языка и который необходим, чтобы данный знак приобрел общественную значимость. Значение в слове есть тот минимум признаков понятия, который делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи» [Солнцев, 1977, с. 111].

Восприятие глубокого лингвокультурологического смысла дает полное осознание реалии, а не просто знание «языкового ярлыка», который требует дальнейшей когнитивной расшифровки и знания реального «общения» с предметом.

Смысл познания как перехода от значения-намёка к понятийному содержанию единицы (и через нее - к предмету культуры) предполагает постоянную взаимодействующую связь «значение - культурологический смысл». Эта связь - диалектическая, предполагающая противоречивое отношение языковых и внеязыковых компонентов лингвокультурема, их неравенство, различие, с одной стороны, и совпадение, тождество, с другой, в процессе познания объекта. Только таким образом и может происходить процесс «окультуривания» языковых единиц, ведущий изучающих язык в направлении от значения, «угадывания» - к знанию и включению знака-предмета в сеть культурных ассоциаций, свойственную той или иной нации.

Культурный фон «омывает» соответственно языковой знак в составе лингвокультуры как диалектического единства языкового и внеязыкового содержания.

Из общей схемы лингвокультуры следует, что полное проникновение в объект, в его сущность, по отношению к которой слова языка суть лишь знаки - явления, невозможно без целостного осознания лингвокультурологической единицы и через нее того внеязыкового предмета (явления), которую она репрезентирует. Это осознание есть сложный диалектический процесс: переходит от языкового знака/значения к знанию факта культуры. Языковое и внеязыковое содержания знака и равны, чтобы выполнять коммуникативную функцию единиц в составе высказывания, и не равны, так как вторые из них несравненно богаче, и в этом случае переход от первого ко второму и есть бесконечный процесс познания (когнитивный аспект речевой деятельности как познания).

Глубинный смысл, потенциально присутствующий в значении как элемент его содержания, развертывается в смысловой сети культурно-понятийного содержания лингвокультуры.

Степень понимания содержания реалий и концептов культуры (например, в общении носителя данного языка и представителей других языков и культур) в значительной степени зависит от согласования их знаний в определенной культурологической сфере, от степени совпадения их лингвокультурологических компетенций. Для иностранца, плохо знающего русскую культуру, народные обычаи, праздники, танцы и др., представление о **хороводе** может ограничиться собственно языковым содержанием (сравним в словарях: **хоровод** - «народная игра - движение людей по кругу с пением и пляской, а также вообще кольцо взявшихся за руки людей - участников какой-нибудь игры, танца») и в лучшем случае быть связано со зрительным представлением (концерт, кино, телевидение и т.п.). Здесь нельзя еще говорить о сформировавшейся в сознании носителя иного языка и иной культуры русской лингвокультуре. Ее формирование связано с получением дополнительной информации («со-значений»), между прочим, из самих словарей. Сравним у В.И. Даля [1994, т. IV, с. 561]: «круг, танок, улица, собрание сельских девок и молодежи обоего пола, на вольном воздухе, для пляски с песнями; и хороводная пляска, медленная, более ходьба, нередко с подражаньем в движениях словам песни. Весенние хороводы играют или водят от первых теплых дней, от Пасхи и Троицы; летом страда, не до хороводов, а осенние от Спожинок, Успенья, до Рождества Богородицы, до Покрова, где уже начинаются засадки, работа при огне, посиделки, супрядки; на святки, игры святочные,

там опять посиделки, до последнего воскресенья перед Масляной; с четверга, катанье, а после Святой опять хороводы; посему и различают хороводы: радуницкие, троицкие, всесвятские, петровские, пятницкие, никольские, ивановские, ильинские, успенские, семенинские, капустинские, покровские».

Погружение слова-знака в культурную среду приводит к постепенному формированию лингвокультуры с различного рода ассоциациями, выходящими за пределы обычной языковой дефиниции. Хороводная пляска получает в Словаре В.И. Даля специальное описание как существенный элемент культурного смысла.

Анализ смысла единицы показывает, что в нем потенциально дана его парадигма (сравним: гипонимические отношения типа весенние - осенние - зимние хороводы; предметно-понятийные ряды вроде: хоровода - святочные игры, катанье) и синтагма (играть, водить хороводы); кроме того, здесь раскрывается сама специфика хоровода как особого танца, пляски (сравним более ходьба, с погружением в движеньях словам песни).

Углубление в литературу раскрывает приемы эстетического использования лингвокультуры, показ ее изобразительных возможностей в русском национальном видении мира, природы, например, в конструктивно-обусловленном переносном значении рассмотренного выше слова хоровод:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на близком небосклоне
Звезд исчезает хоровод
И тихо край земли светлеет

[А.С. Пушкин. *Евгений Онегин*].

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

[Ф.И. Тютчев. *Весенние воды*].

Совсем другой, бытовой характер имеют лингвокультуры многих областей современной жизни, раскрывающие деструктивные, отрицательные стороны нашей жизни.

В глаголе достать наряду со значениями «взять что-нибудь, находящееся на некотором расстоянии» (достать с полки книгу), «извлечь спрятанное» (достать деньги из шкафа), «достичь, дотянуться, коснуться» (нырнув, достать дна) и др., развивается значение «приобрести, (разг.) раздобыть», которое в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [1935, т. 1, столб. 783] ил-

люстрируется такими примерами: «Достать материал для постройки». «И за деньги ничего не достать». «Достаньте нам билет в театр». Как видно из характера иллюстраций, процесс доставания сопрягается с определенными трудностями. Этот признак, отражающий объективно нарастающий торговый и иной дефицит, становится фактором тоталитарного строя жизни, различных областей, включая культуру (достать плащ, запчасти, билет в театр, книгу, японский телевизор и т.п.). Оппозиция купить - достать становится социально и культурно значимой. Второй из глаголов «отягощается» рядом отрицательных ассоциаций (достать, стоя в огромных очередях, с огромными трудностями, по записи, через знакомых, по блату, с большой переплатой и т.п.), которые должны фиксироваться в глубинной, внеязыковой семантике (зоне толкования) лингвокультуры, в ее социально-культурном смысле. Несмотря на такое ярко выраженное прагматическое значение глагола, оно очень «робко» фиксируется в словарных толкованиях: ср. во втором издании «Словаря русского языка в четырех томах» [Т. 1, с. 437]: «приобрести, получить в свое распоряжение, прилагая к этому усилию; раздобыть». Д о с т а т ь денег на поездку. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «получить, раздобыть. Д о с т а т ь билет в театр» [разрядка наша. - В.В.]. Между тем как отражение этого нового значения глагола достать в разговорной речи появляется существительное доставала с явно неодобрительным оттенком употребления: «о том, кто умеет что-либо доставать, получать, приобретать, кто постоянно занимается этим (толкование дано по словарю-справочнику «Новые слова и выражения» [1971, с. 164]). Вот некоторые характерные употребления этого существительного, взятые из прессы: «Увы, сколько еще в понятии «председатель колхоза» от оборотистого доставалы, от предприимчивого снабженца!» [*Новый мир*. 1965, № 4]; «Ты, тетка, даже представить себе не можешь, какие мы тут все ловчицы, доставалы и пройдохи» [*Звезда*. 1965, № 6]; «Неправильное планирование <...> ведет к тому, что в одних районах скапливается множество дефицитных машин, оборудования, материалов, запасных частей, а в других ощущается острая нехватка. Поэтому и колесят по стране многочисленные «толкачи» и «доставалы»» [*Правда*. 1965, 3 декабря].

Следовательно, лингвокультуры: 1) имеют коннотативные смыслы и становятся знаками-функциями, 2) могут иметь несколько коннотативных означаемых, 3) могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих, 4) активно «живут» до тех пор, пока активно «живет идеологический контекст», их породивший.

Существенной стороной изучения и описания лингвокультурем (наряду с их внутренней структурой) является их типология.

Лингвокультуремы имеют принципиально общее строение как единицы лингвокультурологического поля. В них, как мы видели, осуществляется взаимосвязь собственно языкового и экстралингвистического содержания и взаимный переход от одного к другому и обратно.

Конечным итогом всякой коммуникации является не понимание языка как такового, а усвоение внеязыковой информации (в том числе культуры, в рамках которой происходит само общение). Как хорошо показал А.А. Потебня, язык лишь намекает на знания, которые должны быть эксплицированы в виде мыслительных единиц, «дальнейших значений», понятий. Каждая лингвокультурема имеет не только ближайшее, но и дальнейшее значение, по А.А. Потебне, глубинный, часто символический смысл, без понимания которого идея произведения повисает в воздухе (ср. «Красота спасет мир» у Ф. Достоевского или «Познание красоты спасет мир» у Н. Рериха).

Несмотря на принципиально общее строение лингвокультурологические единицы имеют специфические формальные различия и свою таксономию. Лингвокультуремы обладают рядом признаков: 1) выражают имя поля (например, «русская национальная личность», «соборность», «красота» и т.д.), 2) имеют определенную структуру, 3) объединяются и дифференцируются по характеру источников.

Рассматриваемые в монографии, в ее аналитической части, лингвокультуремы принадлежат к одному и тому же полю и имеют общий смысл, который модифицируется в зависимости от класса, подкласса и т.п., в который входит данная единица.

Что касается структурных типов лингвокультурем, то они весьма разнообразны: от единичного слова (лексемы) до целого текста значительной протяженности.

Невольно напрашивается аналогия между структурой лингвокультуремы как носителя отмеченной выше интро- и экстралингвистической информации и словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в языке художественной литературы, где также моделируется действительность. Понятие словесного образа раскрыто В.В. Виноградовым: «Словесный образ бывает разного строения. Он может состоять из слова, сочетания слов, из абзаца или целого литературного произведения. Но он всегда является эстетически организованным структурным элементом стиля литературного произведения. Этим определяется и форма его словесного построения и принципы его композиционного разви-

тия» [Виноградов, 1963, с. 119]. Подобно этому и лингвокультуремы несмотря на различные их структурные типы представляют конструктивный элемент поля и основу его развертывания в тексте, а также прагматически значимый элемент текста, воздействующий на реципиента.

Лингвокультурема может быть представлена всего одним словом. Таково, например, культурно-историческое содержание понятия соборность - «всеобщность, объединенность»: «В России, - полагал он, - < ...> господствует не личное начало, не начало разъединения, особняка, а православная соборность, противостоящая индивидуализму» [В.В. Ермилов. Ф.М. Достоевский]. Емкое оценочно-характеризующее содержание, отражающее отрицательные стороны русской национальной личности, у таких номинаций, как Манилов и маниловщина, Хлестаков и хлестаковщина, Обломов и обломовщина и других подобных.

«Были ли до Гоголя Маниловы, Собакевичи, Ноздревы? Конечно. Но они существовали в бесформенном состоянии, неясные для окружающих. А после «Мертвых душ» люди начали говорить: «Вчера я встретил такого-то - настоящий Манилов» [И.Г. Эренбург. Писатель и жизнь]. - Ср.: маниловщина - «бездеятельность, мечтательно-благодущное, оторванное от реальной действительности отношение к окружающему; пустое фразерство, беспринципное благодущие»: «Человек почтенных лет да еще с некоторой маниловщиной в характере в том же самом случае сочтет долгом сначала похвалить мою любознательность» [Н.А. Добролюбов. Литературные мелочи].

«Был такой тип русской жизни - Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий, и коммунист» [Ленин, т. 33, с. 197]. Ср. обломовщина - «безволие, бездеятельность и лень как общественное явление»: «Обломов не есть существо, от природы совершенно лишенное способности произвольного движения. Его лень и апатия - есть создание воспитания и окружающих обстоятельств. Главное здесь не Обломов, а обломовщина» [Н.А. Добролюбов. Что такое обломовщина?]

«Хлестаковы есть и теперь будут, может быть, всегда не в одном русском, но и во всем человеческом обществе, только в новой форме» [И.А. Гончаров. Воспоминания]. - Ср. хлестаковщина - «безудержное хвастовство, вранье; легкомыслие»: «Мы и теперь

легкомыслие и пустозвонство называем хлестаковщиной» [Фролов. *О советской комедии*].

Многие лингвокультураны представляют собой слово со - ч е т а н и е, одно из которых обычно указывает на общее содержание понятия, представленного в разных языках и культурах, а другое - на специфику в его пределах данной культуры: *р у с с к и й человек* (народ), *р у с с к и й характер* и т.п. Ср.: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить...» [А.П. Чехов. *Степь*].

Сравним у В.И. Даля: «Здесь русским духом пахнет; русский ум - задний ум (запоздалый); русский бог - авось, небось, да как-нибудь; русский час - невесть сколько; *русская рубаха* (рубашка), мужская, косоворотка, женская, без ворота, противополо. польская, с воротом и др.» [Даль, 1994, т. IV, с. 114].

К числу таких материальных и духовных объектов можно отнести такие, как *русское масло* - топленое масло; *русская печь* - особым способом сложенная кирпичная печь для варки пищи, печения хлеба и отопления; *русская рубашка* - верхняя мужская рубашка на выпуск с застегивающимся сбоку воротом; *русские сапоги* - сапоги с голенищами до колен и др. Ср. устойчивое выражение - *говорить русским языком*, то есть ясно, понятно: «Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете» [А.П. Чехов. *Вишневый сад*].

Лингвокультураны могут представлять собой а б з а ц (или н е с к о л ь к о а б з а ц е в). Таково, например, описание всемирной русской отзывчивости в «Подростке» Ф.М. Достоевского: «У нас создан веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире - тип всемирного боления за всех. Это тип русский.

В Европе этого пока не поймут. Европа создала благородные типы француза, англичанина, немца, но о будущем своем человеке она еще почти ничего не знает. И, кажется, еще пока знать не хочет. И понятно: они не свободны, а мы свободны. Только я один в Европе, с моей русской тоской, тогда был свободен...»

Высший культурный тип («тип всемирного боления за всех») представлен здесь лингвокультураной - абзацем (абзацами). Только в составе абзаца (и более широкого контекста) этот тип, суть которого сконцентрирована в заковыченных словах, получает свое развитие и конкретизацию. Таким образом, такой тип лингвокультураны не сводим к сочетанию или строке.

Лингвокультураны как единое, сомкнутое целое может быть представлена ц е л ы м т е к с т о м, например, с т и х о т в о р е - н и е м, часто символического содержания. Такова лингвокульту-

рема - символ России у Ф.И. Тютчева с ее самобытностью, загадочностью, внешним простором, дремлющими силами и, может быть, каким-то иррациональным началом:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только верить.*

Примером лингвокультуры сложного типа - прозаического литературного произведения, в котором раскрываются существенные черты русской национальной личности, сила и красота души россиянина, может служить текст рассказа А.Н. Толстого «Русский характер» (система доминантных характеристик главного героя - Егора Дремова).

Наконец, следует обратить внимание на характер самого источника лингвокультурем. Таким источником по отношению к исследуемому объекту могут быть в первую очередь:

1) народное поэтическое творчество, которое является существенной частью национальной культуры русского народа, важным источником познания цивилизации и истории, отражением общественного сознания нации;

2) памятники истории и общественной мысли, а также специальные исторические, философские, социологические, литературоведческие, лингвистические, эстетические и другие исследования;

3) высказывания выдающихся деятелей науки, искусства и литературы, в которых запечатлены важнейшие оценки русской нации и национальные личности;

4) литературные произведения как вторичные моделируемые системы, в которых нашла художественное отражение русская национальная личность (типы и образы) и публицистика (особенно: отражение этапов развития русской национальной личности);

5) выдающиеся личности как модель русской национальной личности (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Степан Разин, Петр Первый и др.);

6) мысли и суждения иностранцев о русской нации и культуре как сопоставительный фон, оттеняющий специфику всего русского.

Лингвокультуры реально существуют как единицы поля, а их иерархические отношения вырисовывают его структуру как взаимодействие элементов на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

§ 5. Концепция лингвокультурологического поля

Одним из важнейших методологических вопросов при изучении любой научной проблемы является выбор наиболее оптимального метода исследования и соответствующих ему категорий и комплексных единиц описания объекта.

Характерной особенностью различных научных дисциплин, как отмечается современным науковедением, является ярко выраженная тенденция к системному и синтезирующему подходу в исследовании и интерпретации соответствующих объектов. С этой точки зрения представляет несомненный интерес понятие семантического поля как совокупности единиц, объединенных общим содержанием и имеющих иерархическую структуру, получившее большую сферу применения и имеющее хорошие перспективы, прежде всего в лингвистике, а также в других научных дисциплинах.

Семантическое поле в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию единицы. В этой категории высшего порядка не только отражается иерархическая структура фрагментов лексико-семантической системы, но и взаимосвязано представлены отношения частных традиционных языковых категорий (синонимия, антонимия, конверсия и др.).

В современной семантической теории понятие «поля» как метода исследования объекта и системы классификации единиц различных уровней языка в той или иной степени используется не только в лексикологии, но и в грамматике (функционально-семантическая категория А.В. Бондарко [1976]), в науке о языке художественной литературы (текстовое семантическое поле Л.А. Новикова [1990, с. 117]), в словообразовании (словообразовательное гнездо А.Н. Тихонова [1991, с.1, 36 и след.]), в лексикографии (идеографическое поле В.В. Морковкина [1977]) и т.д. Множество подходов в теории поля сводится к двум основным типам: парадигматическим и синтагматическим полям. О различных подходах в теории семантического поля весьма подробно написано в фундаментальной работе Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография» [1976], поэтому нет необходимости останавливаться на обзоре исторического развития теории поля. Тем не менее, ряд положений, развитых в этой теории, необходимо обсудить под углом зрения задач данной монографии.

Методы системного описания и обучения различным аспектам языка находят отражение и в лингводидактике (например, написание в пособиях по изучению грамматики - глаголов движения,

средств выражения времени и пространства; в создании учебных словарей тематического типа и т.д.). Однако теория поля требует дальнейшего обстоятельного лингвистического и лингводидактического обоснования.

Метод поля, безусловно, имеет важное значение при комплексном изучении языка во взаимосвязи с культурой, то есть в лингвокультурологическом аспекте функционирования и описания русского языка.

Понятие «поля» в лингвистике, подчеркивает Л.А. Новиков, является аналогом соответствующего концепта в физике (ср. электромагнитное поле с упорядоченным, «напряженным» отношением его частиц). Отвечая насущным задачам системологии, оно было применено в теории обозначения (ономасиологии) для синхронной языковой интерпретации «картин мира» в различных языках (см. прежде всего работы немецких ученых Й. Трира [1932], Ф. Дорнзайфа [1959], В. Порцига [1950], Л. Вайсгербера [1962] и др.) как своего рода реакция на атомарное рассмотрение содержательной стороны языковых единиц в традиционной семасиологии и нашло прочную опору в общей концепции языка как системы Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртене и их последователей [Новиков, 1991, с. 3].

По существу, если рассматривать историю становления понятия семантического поля, то видно, что при этом описывался не только сам язык, но и система соответствующих понятий, а иногда и главным образом она. Именно такой подход был характерен для Й. Трира [1932]. Л. Вайсгербер брал уже не научные, сколько языковые (наивные) понятия. По Вайсгерберу, «понятийный мир языка» зависит от «закона поля». Всякое «языковое поле» представляет собой «кусочек миропонимания языка», некую априорную систему понятий, идей, не связанную ни с объективной действительностью, ни с языковой материей [Ермолаева, 1960, с. 56]. Таким образом, в неявной форме был поставлен вопрос не только о языковых полях, но и о полях, где языковые единицы «покрывали» в первую очередь внеязыковое, понятийное содержание.

Ясно, что основные понятия, структура и функционирование поля, в единицах которого находит отражение соответствующий фрагмент культуры, то есть объективной внеязыковой реальности, должны с неизбежностью отразиться в строении поля, в его лингвистической интерпретации. Однако в нем с необходимостью должны быть отражены и те элементы и связи, которые выходят за пределы собственно семантического поля как языковой категории. Это значит, что такое поле должно в принципе представлять сложную многомерную структуру, так как отражаемые в нем элементы

являются принадлежностью не только языка, но и культуры, то есть имеют не только языковое, но и своеобразное внеязыковое измерение. Их семантика является по существу единством языкового значения и внеязыкового смысла. Такое поле в отличие от семантического, следуя логике наших рассуждений, назовем лингвокультурологическим полем.

Теория семантического поля в значительной степени позволяет прогнозировать структуру лингвокультурологического поля. В их организации много общего, в их построении прослеживается изоморфизм.

Поле задается определенным смысловым содержанием, доминантой поля. В нем выделяется ядро (лексема-понятие или группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий, реалем с их синонимическими, антонимическими и другими отношениями) и периферия (система смежных реалем, смежных полей - слов-понятий вторичной семантической функции).

Поле, представляя собой определенную семантическую структуру, отражает иерархию его основных классов слов (реалем) и соотносительных языковых средств. Такая структура может быть описана с помощью рода видовых отношений, отражающих предметно-понятийную классификацию элементов и гиперо-гипонимических связей языковых единиц.

По своей природе лингвокультурологические поля, подобно языковым полям, могут иметь конкретный и абстрактный характеры. В зависимости от этого их доминантой являются соответственно слова конкретной или отвлеченной семантики.

Современная интерпретация семантического поля опирается на синтагматические и парадигматические свойства единиц поля в понимании Й. Трира [1931, 1932] и В. Порцига [1950]. Поэтому целесообразно, особенно учитывая коммуникативный характер языка, говорить о парадигматическом и синтагматическом измерении лингвокультурологического поля, в котором существенно не только положение слова-понятия в парадигме, но и его синтагматические (сочетательные) свойства. Это отражает не только предметно-вещественные связи элементов такого поля, но и характер использования соответствующих предметов реальных, их применение, как элементов материальной и духовной культур.

Как уже было сказано выше, лингвокультурологическое поле не только изоморфно другим видам полей, но и имеет свою специфику: особенностью такого поля, его элементов, характера основных семиотических свойств является то, что они по своей природе представляют более сложное, многомерное явление по сравнению

с обычными полями. Поэтому в лингвокультурологическом поле выделяются два его аспекта единиц: собственно лингвистический и референтивный.

Таким образом, лингвокультурологическое поле можно в общих чертах определить как иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры.

Остановимся более подробно на вопросе - поле как метод исследования систем лингвокультурологических единиц.

Преимущества полевого подхода к изучению объектов в области культуры вытекают из общей природы поля как комплексной (синтезирующей) единицы. Об этом убедительно писал Г. Кандлер, подчеркивая, что содержательная значимость каждой из единиц поля зависит от всего состава поля, который в своем единстве и целостности «вырисовывает некоторое плотное, без пропусков покрытие». Благодаря этому явления внешнего мира (система культурологических ценностей) упорядочены в понятийной системе так, что незаметно никаких пробелов. Такое смысловое членение, отмечал Г. Кандлер, может рассматриваться как языковая способность носителя языка, определяя его понимание, мышление и речь. А потому, добавим, и служит целостным, системным методом исследования. Поле как метод основывается на ряде взаимозависимых друг от друга принципов, которые можно свести к следующим взаимосвязанным пунктам:

- принцип целостности (*das Ganzheitsprinzip*),
- принцип упорядоченности (*das Prinzip der Geordnetheit*),
- принцип взаимоопределяемости (*das Prinzip der Wechselbestimmtheit*),
- принцип полноты (*das Vollständigkeitsprinzip*),
- принцип произвольности границ (*das Prinzip der Wohlgeschiedenheit*),
- принцип сплошного покрытия (*die Luckenlosigkeit*)» [*Kandler, 1959, p. 258-259*].

Выдвинутые принципы, хотя они и нуждаются в конкретизации и структурном оформлении в поле как иерархически организованном целом, наглядно демонстрируют предпочтение метода поля как исследовательской системной процедуры другим частным методикам анализа, которые оказываются, в конце концов, лишь различными сторонами или фрагментами полевого исследования.

Обратим внимание в первую очередь на существование основных принципов полевого исследования в лингвокультурологии. Их значение состоит, на наш взгляд, прежде всего в следующем.

Принципы цельности и полноты описания, тесно связанные между собой, постулируют не «избирательное» («лобовое», то есть пропагандистское в худшем смысле этого слова) описание материала, а интерпретацию всеобщего, целостного охвата явлений и событий в их противоречиях и развитии [см. § 2 этой главы]. Принцип упорядоченности кладется в основу строгой систематизации материала, не «иллюстрирующего подхода», а раскрытия иерархической системы лингвокультурем. Из такой упорядоченности единиц поля следует их взаимоопределяемость, «выводимость» в системе. Принцип произвольности границ, с одной стороны, дает возможность определенным образом задать поле, очертить его границы, соразмерить с исследовательской задачей, а с другой - указать на его периферию, зону взаимодействия со смежными полями. Реализация указанных требований, предъявляемых к системному анализу, обеспечивает необходимое заполнение «пространства» поля, регулируемое принципом сплошного покрытия.

В теоретической лингвистике, и, прежде всего - семантике, было предложено немало методов системного изучения объектов, основанных на полевом подходе. Наиболее последовательную процедуру описания поля, основанную на комбинаторной методике и хорошо согласуемую с выдвинутыми выше принципами Г. Кандлера, хотя и независимо от него, предложил в отечественном языкознании Т.П. Ломтев [1964, 1969].

Предложенная методика является системной, полевой, так как в ее основе как объект лежит упорядоченное множество, то есть поле, по-нашему определению, - множество элементов, имеющих общее (инвариантное) значение.

В полном соответствии с предпосылками структурирования лингвокультурологического поля, выделяем, вслед за Т.П. Ломтевым: 1) знак, который обозначает предмет, и называется именем, 2) объект, который называется денотатом, и 3) способ, которым выделяется предмет, называемый смыслом. Смысл имени как нечто общее для всего поля имен выражается в виде множества дифференциальных семантических признаков.

Выделение множества элементов (единиц, лингвокультурем) поля производится на основании нахождения у них общих и различительных признаков, то есть сходства и различия их смыслов - путем выборки из словарного состава имен-носителей значения лингвокультурем.

Операции с множеством однородных по семантике имен сводятся к процедурам выделения элементов поля как сплошного целого, не допускающего «пробелов», и последовательного разбиения

ния множества на подмножества разных рангов вплоть до получения дифференцирования друг от друга имен (единиц в лингвокультурологическом поле):

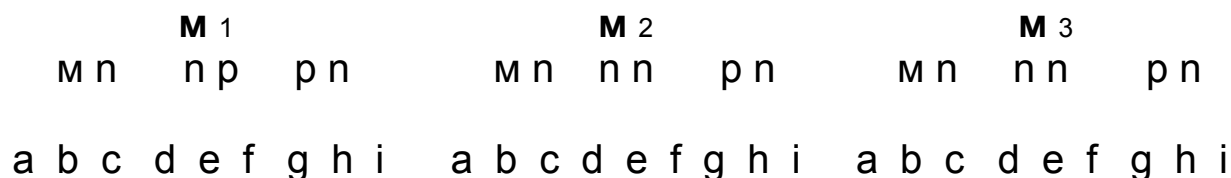
«1. В словарном составе языка мы выделяем компактную область имен, которые именуют предметы, принадлежащие к одному множеству.

2. Над предметами выделенного множества производится операция разбиения. Разбиением называется такое разделение общего множества на собственные подмножества, которое удовлетворяет следующим трем условиям:

- а) подмножества общего множества не должны пересекаться,
- б) сумма подмножеств должна равняться общему множеству,
- в) подмножествами общего множества не должны быть само множество и пустое множество» [Ломтев, 1976, с. 272].

Общая принципиальная схема анализа по методу семантического поля может быть представлена как процедура последовательного разбиения множества единиц **М** на однородные (в силу их общего инвариантного значения) подмножества различных иерархических рангов ($m_1 - m'_n, n, n', p, n'$ и т.п.) вплоть до отдельных единиц - членов поля (а, в, с...)

М

Полученный таким образом тезаурус будет представлять уже не просто сумму элементов поля, а их упорядоченную иерархическую структуру: **М** -- m_1 --- m_n -- $a_1, v_1, c_1 \dots$ При этом учет постулированных выше принципов и правил позволит дать полное и систематизированное описание отобранных объектов анализа и проверить их на правильность определения их семантики, основываясь на компонентном составе единиц (набор признаков определяется семантическими компонентами, находящимися на каждом отрезке (этаже) разбиения).

Модель полевого исследования лингвокультурологических объектов (особенно сложных по своим структурно-семантическим свойствам) должна быть обоснована со стороны специфики интенциональных и экстенциональных свойств ее единиц. Это означает, что общее (инвариантное) значение поля должно быть определен-

ным образом соотнесено с конкретными его носителями - его именами различных его классов как названиями предметов.

Поле - не только тезаурусный метод исследования, но одновременно комплексная единица, - система единиц, применительно к рассматриваемому в диссертации полю - иерархическая структура лингвокультурем.

Исследователями поля было высказано немного суждений о его структуре [Караулов, 1976, с. 30-32]. Поле было уподоблено определенной словесной мозаике, в которой его единицы находятся в определенном «напряженном» состоянии подобно частицам силового поля [Gipper, 1959, p. 415].

В отечественном языкознании общая структура поля впервые в наиболее явном виде нашла интерпретацию у Н.М. Мининой, которая обратила внимание на иерархию этой комплексной единицы: «Чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля. И таким образом обрисовывается контур поля: его ядро - заглавное слово - и ближе или дальше отстающие от него члены поля, на периферию поля могут заходить в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля» [Минина, 1973, с. 36].

Структура поля нашла дальнейшую конкретизацию и развитие у Ю.Н. Караулова [1976, с. 111 и след.], давшего принципиальный эскиз модели поля (ср. выделение имени поля, синонимических, гипонимических, антонимических и других отношений; собственно языкового и понятийного аспекта поля и др.), у Л.А. Новикова [1989, с. 231-236; 1991, с. 3-7; *Современный русский язык*, 1987, с. 73-80], обратившего внимание на иерархическую взаимосвязь в поле его ядра, центра и периферии, виды измерений и типы категориальных отношений единиц, на тесную взаимосвязь парадигматических и синтагматических отношений элементов поля, наконец, на типологию семантических полей, а также в ряде частных исследований полей [Абрамов, 1992].

Однако во всех этих и многих других построениях и концепциях речь идет об одномерном семантическом поле как комплексной единице или категории высшего порядка языка. Семантика такого поля является языковой, так сказать, «не выходит за пределы языка», ограничивается собственно языковой сферой, ближайшим значением слова, по А.А. Потебне [см. § 4 первой главы].

Лингвокультурологическое поле как структура лингвокультурем, представляющих собой единства знаков, значений и соотноси-

тельных понятий о классах предметов культуры, характеризуется в силу этого своеобразной «двухслойностью», двухмерностью семантики своих единиц. Выше уже говорилось о природе и структуре лингвокультурем [§ 4 первой главы]. Семантика лингвокультурем представляет собой диалектическую связь (противоречие - тождество и различие содержаний значения и понятия) языкового и неязыкового содержаний как различных и вместе с тем взаимосвязанных форм отражения референта. Соотносясь с собственно языковым планом и знаниями о культуре, лингвокультурема входит не только в собственно языковые отношения, но и более глубокие внеязыковые «парадигмы» и «синтагмы».

Свойства составляющих поля неизбежно имплицитно определяют свойства целого поля как структуры его единиц. Лингвокультурологическое поле по природе своей синтезирует в себе собственно языковое и культурологическое содержание. По сравнению с обычным семантическим полем, изучаемым в языкознании, такое поле представляет собой «удвоенное» образование, но вместе с тем органическое, единое как едины по своей сущности понятие и значение [см. примечание с цитатой из А. Шаффа (1)].

Как видно, специфика лингвокультурологического поля требует теоретического рассмотрения его природы и научного обоснования его структурно-семантического своеобразия.

Основные компоненты (составляющие) такого поля, его единицы и их отношения должны быть подвергнуты специальному исследованию, а не быть простыми, механическими производными от обычного семантического поля.

Остановимся на вопросе о структуре лингвокультурологического поля.

Важнейшими структурно-семантическими компонентами (составляющими) такого поля являются:

- имя (ядро) поля и его инвариантный лингвокультурологический смысл (интенционал имени и поля);

1). *Единство и специфика понятия и значения хорошо схвачены А. Шаффом: «В зависимости от того, воспринимаем ли мы данное мыслительно-языковое образование с точки зрения мыслительного процесса или языкового (то есть в зависимости от того, на каком из двух его сторон мы акцентируем наше внимание), он выступает или как понятие (содержание понятия), или как значение слова. Никакого иного различия между понятием и значением (того же самого типа) нет» [1963, с. 290]. Эта мысль очень существенна при раскрытии единства языкового и внеязыкового содержаний лингвокультурем, образующих поле.*

- классы (группы) лингвокультурем как единиц - единств собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенционал поля): центр и периферия;
- категориальные отношения лингвокультурем в поле;
- парадигматика лингвокультурем;
- синтагматика лингвокультурем.

Будем понимать под лингвокультурологическим полем, развивая данное в начале этого параграфа предварительное определение, иерархическую структуру множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу.

Семантическая интерпретация лингвокультурологического поля реализуется в его структуре.

И м я (ядро) л и н г в о к у л ь т у р о л о г и ч е с к о г о п о л я в отличие от семантического поля имеет не обычное общее языковое значение, а и н в а р и а н т н ы й л и н г в о к у л ь т у р о л о г и ч е с к и й с м ы с л (интенционал имени поля).

Так, именем поля, рассматриваемого в данном исследовании, является номинация «русская национальная личность». Содержание имени поля может быть лишь поверхностно и приблизительно как «определение-намек» раскрыто на уровне собственно языковой дефиниции. Судя по данным словарей, значение такого составного имени включает следующие семантические компоненты: «относящийся к восточнославянскому народу, составляющему основное население Российской Федерации» (русский), «свойственной нации» (1) (национальный) и «человек или носитель какого-либо свойства, лицо» (личность). Такое значение, включающее в себя указанные выше семантические компоненты, - лишь намек на более глубокий смысл, только его «опознавательный контур». Лингвокультурологический смысл такого поля может быть раскрыт только на более глубоком уровне [см. § 3-4 второй главы] в отличие от общего значения обычного семантического поля. В этом принципиальное сходство и специфическое различие семантического поля в лингвистике и лингвокультурологического поля в лингвокультурологии.

Значение рассматриваемого поля (его единиц) выступает как его (их) интенционал, который определенным образом коррелирует

1). Ср.: нация, по данным "Словаря русского языка" С.И. Ожегова - «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика».

с его (их) экстенционалом. Эти термины, введенные Р. Карнапом, соответствуют в формальной логике содержанию и объему понятий. По определению Р. Карнапа, «экстенционал предикатора <...> есть соответствующий класс» <...> Интенционал предикатора <...> есть соответствующее свойство.

Это, по-видимому, достаточно согласуется с обычным словоупотреблением. Если это применить к предикатору <<Н>> в S, то получится:

Экстенционал <<Н>> есть класс Человек.

Интенционал <<Н>> есть свойство Человек» [Карнап, 1959, с. 52].

Важным для семантического исследования объектов является следующий тезис Р. Карнапа: «Экстенционалом предложения является его логическая валентность <...> Стало обычным употреблять термин «экстенциональный» для логических валентно-функциональных соединений (truthfunctional connections), то есть, для таких составных предложений, логическая валентность которых есть функция только логических валентностей составляющих предложений» [Карнап, 1969, с. 61]. Это положение логической семантики может быть принципиально применено к такому объекту, как лингвокультурологическое поле, конечно, с учетом его специфики.

Будем считать интенционалом поля (и включенных в него единиц-культурем) его инвариантный лингвокультурологический смысл, выражаемый в самой общей форме именем поля (например, русская национальная личность), а экстенционалом - имен и понятий (предметов) соответствующих, взятых в их характерных языковых и внеязыковых (предметные) валентностях. Тогда поле может быть задано двояко: от интенционала (свойства) к объектам, обладающим так или иначе этим свойством (то есть, в качестве основных объектов или их принадлежностей и т.п.) и от экстенционала (класса однородных предметов) - к их общему свойству. Или встречно, поэтапно (1).

Ядро лингвокультурологического поля «охватывает» основные классы (г р у п п ы) л и н г в о к у л ь т у р е м. Их условно можно также назвать субполями и сделать предметом особого, более частного по своему характеру, исследования.

Классы единиц - подмножества множества имен (поля) с более специфической семантикой по сравнению со смыслом имени поля как наиболее общим и элементарным значением.

1). Языковая валентность - сочетаемость имен (слов), внеязыковая - связь понятийных содержаний, «приложение» предметов друг к другу: голубизна

и глаза, отец и сын, этаж и дом и т.п., о чем подробнее будет сказано ниже.

Поскольку лингвокультурологическое поле в отличие от семантического двухмерно, постольку классы реалем, их предметную сторону можно рассматривать как экстенционал имени поля и его единиц. Классы реалем - это конкретная реализация семантики поля.

Вопрос о структуре поля как системы субполей, классов и т.п. лингвокультурем является сложным и практически почти не разработанным. Больше здесь ясности с конкретными полями (областью материальной культуры), гораздо больше неясности и неопределенности в тех случаях, когда поле задается через концепт, систему понятий достаточно отвлеченного (абстрактного) характера.

Если обратиться к непосредственному объекту исследования полю «русская национальная личность», относящемуся ко второму типу полей, то, по-видимому, стоит прежде всего, выделить *ц е н т р л и н г в о к у л ь т у р о л о г и ч е с к о г о п о л я*: это доминантный (определяющий) класс, то есть, ряд лексем наиболее общего характера с неспециализированной семантикой, передающей (или в другом плане задающей) общий смысл поля *русский* - как прилагательное, *русский, русская* - как существительное, *великоросс, великорус* и т.п.) и классы специализированной семантики, раскрывающие основные характерные черты русской национальной личности и различных ее сторон, в ее специфических свойствах: духовного склада и нравственно-эстетической стороны (*русский характер, русская красавица*), интеллектуальной и научно-профессиональной сторон (*русский ум, русист, русистика, русизм*), характеристики с точки зрения языка (*русский язык, язык межнационального общения СНГ, русскоязычный*), общественной жизни (ср. *славянофильство* - по определению в «Словаре» С.И. Ожегова: «В России в середине XIX в. идейно-политическое течение, представители которого противопоставляли исторический путь развития России развитию стран Западной Европы и идеализировали патриархальные черты русского быта и культуры», *славянофил, славянофильство*), национальных традиций (ср. праздники) и материальной культуры (еда, танцы и песни, одежда и т.п.: *квас, медовуха, блины, щи, каша, русская* (ср. плясать русскую), *камаринская, хоровод; косоворотка, ушанка, буденовка* и т. д.).

На периферии поля находятся классы лингвокультурем, пересекающиеся со смежными полями, например, *славянский (язык), славяноведение*, то есть, в том числе *русский*, наука о *русском языке*), *большевик, большевизм, советский*, то есть, единицы, входящие, как в рассматриваемое поле, так и в другие пограничные поля;

ср. москвич, петербуржец, волжанин и т.п. («преимущественно, но не обязательно русский»).

Что касается к а т е г о р и а л ь н ы х о т н о ш е н и й в поле, то они в принципе те же, что и в семантическом поле: синонимия и вариантность (русский - великорусский, великоросс - великорус), антонимия (русский - антирусский, славянофил - славянофоб), гипонимия (отношение единиц класса) и др.

Пристального внимания требуют парадигматические и синтагматические отношения лингвокультурем в поле. Первые определяют их системные отношения, вторые - функциональные. При этом, как уже подчеркивалось, парадигмы и синтагмы выступают здесь как «удвоенные» - лингвокультурологические: здесь имеются в виду не только систематизация и употребление слов-знаков, но и классификация и использование соответствующих понятий и вещей.

Парадигматические и синтагматические отношения лингвокультурем взаимосвязаны и взаимообусловлены. Близость по парадигме имплицитно сродство употреблений таких единиц и наоборот.

П а р а д и г м а т и к а л и н г в о к у л ь т у р е м определяется двумя уровнями взаимодействия нелинейных отношений однородных единиц как единство собственно языкового и внеязыкового содержания. Первый из парадигматических уровней - нелинейные отношения знаков, например, первый - второй этаж. Однако такая оппозиция не учитывает культурологического аспекта, а, следовательно, всего содержания лингвокультуры. С точки зрения только лингвистической это отношение оказывается универсальным для разных языков. Но не для различных культур. Истинное понимание значимости (valeur Ф. де Соссюра) становится возможным только при учете другого, внеязыкового уровня «культурной парадигмы». Оппозиция первый - второй этаж оказывается «погруженной» в разные парадигмы применительно к языкам и культурам различных народов, например, русского и французского.

Культурема первый этаж, как видно из схемы, занимает в сравниваемых парадигмах (русской и французской) различное место - крайнее, начальное в русской и срединное во французской: первый, второй, третий и rez-de-chaussee, premier, deuxieme etage. Поэтому она обладает в них различной значимостью. Языковое соответствие: первый этаж <...> premier etage корректируется в культурном аспекте лингвокультурами:

первый этаж ----- rez-de-chaussee.

В соответствии с этим русская оппозиция первый - второй (этаж) воспринимается французами как rez-de-chaussee - premier etage.

Реальной, внеязыковой «парадигмой» рассматриваемых лингвокультурем в сравнительных языках и культурах оказываются одинаковые по природе, но различные по квалификации дома и соответствующие концепты: условно, в сетке сравнения, - трехэтажный и двухэтажный.

Различное положение лингвокультуремы в парадигме часто подчеркивается в прагматике, дисциплине, изучающей «отношения знаков к их интерпретаторам <...>». Поскольку интерпретаторами большинства (а, может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [Моррис, 1938, с. 62-63].

Прагматика проявляется не только как аспект стилистического или коннотативного эффекта, но и как фактор воздействия внеязыкового характера, который может быть квалифицирован в различных лингвокультурологических социумах по-разному.

Оценочные прагматические характеристики здесь могут быть разными. Так, например, в обычном русском ареале в многоэтажных домах первый этаж получает явно отрицательную парадигматическую оценку, что подчеркнуто отражается в информации по обмену жилой площади (сравним часто повторяющуюся фразу в бюллетене по обмену жилья: «Первый и последний этажи не предлагать»). Если же взять среднеазиатские республики, то там первый этаж считается, наоборот, более престижным, находящимся «на земле» (наличие небольшого участка земли около дома - сада, огорода и т.п.). Во всем этом проявляется специфическое отношение к культурным ценностям, стоящим за знаком. Через прагматику мы идем в систему ценностей, строим «глубинное поле», основой которого является культурно значимое понятие. Язык тесно переплетен с культурой, и прагматика потому и «действует», что употребление слов несет на себе осязаемые следы культуры.

С и н т а г м а т и к а л и н г в о к у л ь т у р е м, регулирующая функционирование единиц поля, применение концептов (понятий) и употребление (использование) предметов в практике, также обнаруживает, как видно из ее определения, двухмерную структуру в лингвокультурологическом поле.

Как уже отмечалось выше в этом параграфе, валентность как синтагматическое свойство единиц поля можно также рассматривать в качестве его экстенционала: это ситуация употребления знаков и использования мыслительных представлений и вещей (навыков, по Моррису, определенных реакцией и того или иного типа поведения в пределах «культурных контекстов»). Это - сфера функционирования человека в ситуациях, определяемых данным полем и взаимодействием его с другими полями.

В синтагматике реализуется то, что заложено в семантике единиц, в их парадигматической близости или, наоборот, удаленности. Так, если воспользоваться приведенным выше примером, единица поля реализуется в языке и используется в действительности в употреблениях типа: жить на первом этаже, переселиться на другой этаж, подниматься на лифте на семнадцатый этаж и т.п.

И здесь, как и в парадигматике «удвоенного» лингвокультурологического поля, факты собственно языкового уровня могут вступать в противоречие с лингвокультурологической синтагматикой (использованием предметов, реалий). Так, в собственно языковом плане в выражении подняться на лифте на первый этаж (ср. просьбу иностранца к лифтеру российской гостиницы: «Поднимите меня и мой багаж на первый этаж»), строго говоря, не содержится лингвистической ошибки (ср. исключительную ситуацию подъема на лифте на первый этаж из подвального помещения). Ошибка, вызванная культурологической интерференцией, становится очевидной при «погружении» собственно языковой синтагмы в «культурную парадигму», то есть, при переходе от языкового яруса единицы к лингвокультуре в целом. Эта ситуация становится наглядной при сопоставлении соответствующих синтагм, например, русских и французских:

- первый этаж - le rez-de-chaussee;
- подняться на второй этаж - monter le premier etage;
- подняться на третий этаж - monter le deuxieme etage.

Синтагматика единиц лингвокультурологического поля регулируется, как и в обычном семантическом поле, законом семантического согласования: «М (а) + N (а). Наличие одного и того же семантического компонента в двух членах синтагмы {то есть, (а) - В.В.} выступает как своеобразное семантическое согласование их. Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации <...> Слова видеть (смотреть) - «восприимство зрением» и глаз - «орган зрения» [Гак, 1977, с.25]. Отсюда возможность и реальность таких употреб-

лений, как: «Его глаза видели все», «видеть что-нибудь собственными глазами» и т.п.

При этом, однако, следует иметь в виду, что согласование подобного типа по отношению к лингвокультурологическим единицам правильнее было бы назвать не семантическим, а **с м ы с л о в ы м с о г л а с о в а н и е м**, так как оно основывается не на значении отдельных слов, в лингвокультурологическом смысле определенной лингвокультуремы и определяющего ее «глубинного» контекста. Употребление лингвокультуремы, ее синтагматика опирается в культурологическом тексте на множество глубинных (понятийных) ассоциаций, рождающих слитный смысл. Часто лингвокультурема, соединяясь с другими единицами текста по закону смыслового согласования, становится его образно-семантическим центром, ключом к его пониманию и восприятию.

Н.А. Бердяев использует для определения русского национального типа уже упоминавшееся стихотворение Ф.И. Тютчева, являющееся в контексте этой диссертации лингвокультуремой: «Есть очень большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности. Тут невозможно дать строго научного определения. Тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины. Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея. Тютчев сказал: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить». Для постижения России нужно применить теологальные добродетели веры, надежды и любви. Эмпирически столь многое отталкивает в русской истории. Это так сильно выражено в стихотворении славянофила Хомякова о грехах России. Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей» [Бердяев, 1994, с. 433] (1). Основой согласования смысла лингвокультуремы и опорных слов контекста является семантическая тема «самобытность, загадочность, противоречивость, непознаваемость России, умопостижение ее через веру, надежду и любовь» (а не через эмпиризм, ум).

Наконец, еще одно положение, существенное для понимания лингвокультурологического поля, - своеобразие его национальной специфики, объясняемое во многом особенностями того или иного языка, «накладывающего» на отражаемый мир свою «лингвистическую сетку», через призму которой он и воспринимается.

Сопоставление различных лингвокультурологических систем становится особенно актуальным при изучении языка, культуры и

1). *Культурема выделена специальным шрифтом, согласуемые с ней по смыслу слова контекста подчеркнуты.*

цивилизации других народов. Эта проблема будет специально рассмотрена в третьей главе диссертации. Сейчас она ограничивается несколькими принципиальными положениями по этому вопросу.

Возможно несколько подходов к сопоставительному изучению фактов языка и культуры. Подобно лингвистическим сопоставлениям такие факты могут, с одной стороны, рассматриваться в «зеркале» того или иного языка, а с другой, - в некоторой опосредующей (третьей) системе (метасистеме).

Последний подход представляется наиболее целесообразным, так как он основывается на паритетном сопоставлении лингвокультурологических полей и, в принципе, может быть методом сопоставления для многих языков и культур. В единицах этой метасистемы должны быть отражены все возможности, свойственные сопоставляемым языкам и культурам. Исходя из этой схемы, легко видеть как общее, так и специфическое в сопоставляемых объектах, между тем, как при описании одного языка с его культурой в другом эти возможности в силу лингвистической относительности бывают не всегда очевидными.

Рассмотренные выше сопоставляемые этаж и etage могут быть представлены в этой метасистеме как:

3	2	2
2	1	1
1	0	0
<u>русский</u>	(метасистема)	<u>французский</u>

Сопоставление некоторых обозначений в поле счета можно представить точно так же посредством универсального промежуточного понятия, где возможны и равновероятны различные способы исчисления: восемьдесят (8×10) = (10+10+10+10+10+ 10+10+10) - quatre-vingt(s) (4×20) = (20+20+20+20).

Паритетное сопоставление единиц соотносительных полей помогает глубже раскрыть систему обозначений, внутреннюю форму составляющих ее единиц. Такое описание позволяет представить семную структуру и межъязыковую реалему во всей полноте и отметить как совпадающее, так и различающееся в ней. Более того, предложенный подход дает возможность использовать эту модель межъязыкового описания не только как билингвальное, но и мультилингвальное, подключая в это описание любое количество язы-

ков и культур (или диалектных вариантов языков)... Метаописание («третья система») в лингвокультурологии сулит много научных и методических перспектив.

Лингвокультурологическое поле как метод исследования и структура лингвокультурем коррелирует с методически важным понятием - «**лингвокультурологическая компетенция**» как определенная «картина мира», исторически сложившаяся для нации и существующая в своих общих чертах и специфики у каждого индивидуума.

§ 6. О лингвокультурологической компетенции

В современных научных представлениях любая знаковая система, включая языковую и лингвокультурологическую, характеризуется такими фундаментальными понятиями, как компетенция (competence), то есть, знание системы, и употребление (performance), то есть, использование единиц этой системы в деятельности.

По отношению к языку такое противопоставление диалектически связанных понятий в наиболее явной и законченной форме предложил Н. Хомский: «Мы проводим фундаментальное различие между **к о м п е т е н ц и е й** (знанием своего языка говорящим-слушающим) и **у п о т р е б л е н и е м** (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае <...> употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию. Запись естественной речи показывает, сколь многочисленны в ней обмолвки, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т.п. Задачей лингвиста <...> является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [Хомский, 1972, с. 9-10].

Такое противопоставление связано с различием у Ф. де Соссюра языка и речи. Однако подчеркивает Н. Хомский «необходимо отвергнуть его концепцию языка **к а к т о л ь к о** систематического инвентаря единиц и скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» [Там же, с. 10]. Аналогичную картину можно наблюдать и в лингвокультурологии.

Представляется, прежде всего, необходимым ввести понятие лингвокультурологической компетенции как знания идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Такое предельно обобщенное знание

находит отражение в общих и отраслевых энциклопедиях, исследованиях по культуре и языку и т.п. Оно является итогом знания в этой области.

Индивидуальное (или групповое) употребление лингвокультурем, разумеется, отражает только часть (фрагмент, какую-то сторону и т.п.) лингвокультурологической компетенции как целого. При этом такое отражение происходит каждый раз избирательно в зависимости от того, кто и с какой целью пользуется арсеналом лингвокультурологических знаний.

При постановке новой теоретической проблемы - лингвокультурологической компетенции в первую очередь представляются важными три направления ее решения и одновременно три ее главные вопроса:

1. Восхождение от индивидуальных употреблений лингвокультурем к лингвокультурологической компетенции как социально значимой системе (ее полному отражению в знании идеального говорящего-слушающего).

2. Системно-функциональный подход к интерпретации структуры лингвокультурологической компетенции в духе «энергейи» В. Гумбольдта, а не только как систематического инвентаря единиц.

3. Анализ когнитивных структур лингвокультурологической компетенции.

Остановимся последовательно на каждом из этих вопросов.

1. Как можно получить представление об общем? Очевидно, через совокупность составляющих это целое, через отдельное. Компетенция должна рассматриваться как синтез, «согласование» множества употреблений, принадлежащих определенному культурно-языковому социуму. Применительно к такой системе, как язык, Г. Пауль писал в свое время: «Подлинным объектом языкового исследования является совокупность проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в их взаимодействии» [Пауль, 1960, с. 46]. Индивид является основой, «клеточкой» социума. В индивидууме совершаются психические процессы формирования лингвокультурологических представлений и знаний: «Всякое чисто психическое взаимодействие совершается в недрах души индивидуума» [Там же, с. 35]. Отсюда психическое начало - «важнейший фактор всякого движения культуры, все вращается вокруг этого фактора» [Там же].

Разумеется, формирование и деятельность той или иной языковой личности происходит в тесном взаимодействии с другими и в соответствии с достигнутым нормативным узусом. Индивидуальное культурно-лингвистическое представление, оставаясь самим собой,

испытывает действие общепринятого, но в то же время может оказывать на него влияние и приводить (при поддержке других) к известным модификациям общепринятых в социуме культурно-языковых понятий.

Обращение к индивиду не случайно, так как это реальность психического как отражения культуры, так и представления о ней, знания ее. Как известно, младограмматики считали, что в действительности существует столько диалектов (языков), сколько говорящих индивидов. Это, конечно, преувеличение психического в языке, недооценка его социального характера. Но вместе с тем это и отражение того, как существует язык (и соответственно - культура) в человеке, коллективе. Отсюда убеждение младограмматиков, что «для того чтобы как можно более полно описать состояние какого-либо языка [и культуры, добавим мы - В.В.], следует подвергнуть обследованию все массы представлений у каждого члена данной языковой общности, а затем сопоставить полученные результаты» [Амирова, Ольховников, Рождественский, 1975, с. 424]. Еще более решительно говорит И.А. Бодуэн де Куртене: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество. Язык племенной и национальный является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми - ассоциаций, свойственных индивидам, и, в отвлеченном, абстрактном смысле, в виде среднего вывода, также народами и племенами» [Бодуэн де Куртене, 1963, с. 71].

Положение И.А. Бодуэна де Куртене может быть положено в основу методологии лингвокультурологического анализа, так как механизмы формирования и хранения языковой и культурной информации подобны.

Анализ восхождения от реальных языковых представлений культуры (употребление лингвокультурем) к «обобщающей конструкции» отвлеченного характера - лингвокультурологической компетенции, дает возможность глубже понять природу культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком [См. § 4 этой главы], а также онтологическую сущность такого смысла.

В этой связи мы считаем целесообразным обратиться к теории мнемы Р. Семона - Н.А. Рубакина. «Этот термин, - пишет в своей книге «Психология читателя и книги» Н.А. Рубакин, - обнимающий собою процессы получения, сохранения и оживания раздражений,

впервые был введен в науку знаменитым немецким биологом-дарвинистом, проф. Рихардом Семоном в начале этого столетия в его замечательных трудах "Die Mneme" и "Die mnemischen Empfindungen"» [Рубакин, 1929, с. 71].

Как и условные рефлексy И.П. Павлова, мнема является базой объективного исследования психического, мыслительного содержания. Внешние изменения, воздействующие на индивид, «записываются» в его психике в виде энграмм (по-русски - «запись»). Совокупность таких энграмм-записей образует м н е м у - запас приобретенных энграмм. «Большая часть энграмм пребывает преимущественно в скрытом, или латентном, состоянии. Но они могут быть выведены из этого состояния, извлечены, оживлены, как бы вынесены в сознание. Такое их вынесение Семон называет греческим словом «э к ф о р и я», что значит по-русски «вынесение». Оба эти «энграмма» и «экфория» представляют собою процессы физические и психические одновременно, в чем и состоит очень важная особенность и преимущества теории и терминологии Семона» [Рубакин, 1929, с. 73].

Сложное, разнообразное по своему характеру воздействие среды (в том числе - культурной) отражается в виде к о м п л е к с о в в з а и м о с в я з а н н ы х э н г р а м м.

Восприятие устной и письменной речи можно рассматривать как «чрезвычайно сложный психический процесс воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих к нам от букв и звуковой речи, от слов и фраз и вообще от текста» [Там же, с. 75]. Слово-сигнал способно возбуждать энграммы. Наряду с первоначальными энграммами (появляющимися в результате раздражений, идущих от реальности) существуют мнематические энграммы, которые получаются как следствие энграммирования экфории, вынесения в сознание при помощи слова уже «готовой» энграммы. Возникают системы ассоциаций, которые могут изменяться, перегруппировываться, трансформироваться и вырисовывать в сознании тот или иной объект, например, определенный культурный объект, известную ценность.

В интересующем нас аспекте мнемы как психологические реальности знания и эмоций (то есть сигнификативный и прагматический компонент информации), группируясь в парадигмы и синтагмы соответственно языковым знакам и их значениям (аспект синтактики), являются реальными носителями культурного смысла.

Для лингвокультурологии существенно интерпретировать переход от индивидуальной мнемы того или иного конкретного носи-

теля культуры и языка к с о ц и а л ь н о - к у л ь т у р н о й м н е м е как полному и нормативному отражению элемента (предмета, фрагмента, понятия и т.п.) лингвокультурологической компетенции, то есть от индивидуального употребления лингвокультурем к их системе у обобщенного, идеально говорящего/слушающего, в понимании Н. Хомского.

Восприятие текста, его собственно языкового и культурологического уровня есть творческий процесс «подстановки» индивидуальных мнем под соответствующие слова, в результате чего у разных индивидов возникают совпадающие и вместе с тем частично различающиеся проекции. В этом смысле, говоря словами Н.А. Рубакина, слово не имеет для нас никакого другого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем. Однако на основе общения индивидов с помощью языка, их опыт обобщается. Наряду с индивидуальной и врожденной мнемами складывается социальная мнema - основа культурного смысла и культурологической «картины мира», о чем речь пойдет ниже.

Понятие мнемы имеет не статический, а диалектический характер, и это проявляется не только в том, что индивидуальная мнema каждая по себе развивается, обогащается, но и в том, что мнемы индивидов (личностей) взаимодействуют в процессе социального развития всего народа: «Теория рассматривает индивида как атом творческой силы коллектива, который отнюдь не есть простая сумма индивидов, как и индивид не есть только орудие коллектива. Теория мнемы требует изучения индивида в коллективе, а коллектива - в связи с изучением разных типов индивидов, из которых он составлен.

Теория мнемы является теорией личности, коллектива и их соотношений. Личность есть мнema личности. Разнообразие личностей сводится к вариации их мнем и к преобладанию то тех, то иных комбинаций социальных, наследственных и личных элементов, приобретаемых и ассоциируемых в курсе фило- и онтогенезиса» [Рубакин, 1929, с. 102].

Учение о мнеме представляет собой основу научного подхода к изучению лингвокультурологических систем.

Это учение дает наглядное представление об онтологии феномена языка и культуры как органического целого. Общее существует здесь через отдельное: взаимосвязь и взаимодействие личностей как индивидуальных мнем рождает понятие национальной личности - социальной лингвокультурологической мнемы; отдельные употребления (индивидуальное видение культуры через

«призму языка») ведет к понятию лингвокультурологической компетенции.

Интерпретация проблемы «язык и культура» через теорию мнемы дает возможность объективно исследовать процессы накопления и передачи лингвокультурологической информации от поколения к поколению (исторический аспект), от одного социального коллектива к другому, от коллектива к индивиду и наоборот (социальный аспект), от индивида к индивиду (индивидуально-психологический аспект), от одной нации к другой (межнациональный аспект) и др.

Специального обсуждения требует исторический аспект интерпретации мнемы - категории динамического характера.

Развитие социально-культурной структуры общества, особенно на поворотных этапах его развития (политические, культурные революции, преобразования, реформы и т.п., войны и др.), могут коренным образом изменить содержание, наполнение мнем. Это обстоятельство требует постоянной проверки ценности лингвокультурем, характера их использования в соответствующих контекстах. Мнемы мнемонического, производного характера, полученные в результате различных процессов умственного преобразования, могут «отрываться» от истинного содержания первоначальной мнемы. Слова в соответствии с этим могут обесцениваться и резко изменять подлинную культурно-историческую ценность, что особенно характерно для периодов «деструктивного» характера. «Из истории социально-политических отношений известно, что всякий дряхлеющий и погибающий строй, разрушаясь, возводит систему называния печальных для него реальностей неподходящими именами. Например, жалкий глава государства продолжает именоваться «величеством»; безобразия называются «наполнением законов»; народные страдания - «благоденствием под таким-то скипетром»; официальная ложь - «истиной». Революция всегда начинается с называния вещей их настоящими именами. Начинается борьба энграмм первоначальных с мнематическими и в каждом индивиду, и в коллективе. Не было такого случая, чтобы, в конце концов, не победили энграммы оригинальные» [Рубакин, 1929, с. 79].

Сверка содержания «устойчивых» энграмм-клише, социальной мнемы, полученных в результате умозрительных «операций» с мнематическими энграммами, оторванными от реальности, с действительностью должна вернуть им подлинную ценность и адекватность социально-культурному явлению. Многие построения оказываются на деле фикциями, приводящими к различного рода заблуждениям. Сошлемся здесь только на один пример: понятие «зре-

лый, развитой социализм». Вот пространное описание его в одном из энциклопедических словарей, уводящее на деле от подлинного содержания лингвокультуры и свидетельствующее о ее неадекватности действительности: «Развитое социалистическое общество представляет собою закономерную ступень социально-экономической зрелости нового строя в рамках первой фазы коммунистической формации, когда вполне упрочившийся социализм развивается на своей собственной основе. Для развития социализма в СССР характерны: высокоразвитые производительные силы, обеспечивающие заметный поворот экономики к более полному удовлетворению многообразных материальных и культурных потребностей людей; органическая целостность и динамизм социальной системы, которая опирается на перерастание союза рабочего класса и крестьянства в союз всех работников физического и умственного труда, образование исторически новой социальной и интернациональной общности - советского народа; всестороннее совершенствование социалистической демократии, общенародного государства; последовательно научный характер политического руководства, управления общественными процессами; утверждение социалистического образа жизни с присущими ему высокой культурой, материалистическим мировоззрением...» [*Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 631*; автор статьи «Социализм» - А.Е. Бовин].

По существу, каждая из энграмм, соответствующих в тексте определенному комплексу лингвокультурем, нуждается в проверке, к сведению к первоначальным, оригинальным энграммам, то есть к подлинной, а не мнимой действительности. Современная жизнь нашей страны выступает как опровержение подобных «теоретических построений», некоторые авторы не считаются с реальностью, «замазывают» ее «лжеэнграммами», выводимыми дедуктивно из предвзятых общих положений; по сути, - догм: развитие «теории» идет своим путем, независимо от жизни, общества, которые развиваются иначе, по своим законам.

К сожалению, неадекватность сказалась и на предвзятой догматической оценке многих культурных ценностей, связанных с понятием русской национальной личности. Это дает основание при историческом рассмотрении соответствующего лингвокультурологического поля выделить «деструктивный период», условно называемый так: он характеризуется нигилистическим перечеркиванием «старого» во имя «нового», «пролетарского». Эта тенденция ярко проявилась, например, в литературе в «Программе» Левого фронта искусств (раздел «В кого вгрызается ЛЕФ?»):

«Революция пересмотрела театр наших критических действий. Мы должны пересмотреть нашу тактику...

Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности - наш лозунг 1912 года» [ЛЕФ, №1, 1923, с. 8].

Таким образом, социальная лингвокультурологическая мнема (лингвокультурологическая компетенция, норма) складывается на основе синтеза и «усреднения» (то есть выделения общего характерного содержания, национальной культурной нормы индивидуальных мнем. Понятие индивидуальной мнеммы коррелирует с индивидуальной личностью, социально-культурной (лингвокультурологической) - с национальной личностью.

Из этого положения следует, что анализ такого лингвокультурологического понятия, как «русская национальная личность», должен опираться на исследование различных типов индивидуальных личностей, их разнообразных группировок и коллективного воплощения их сущности в различных фактах культуры, находящих выражение в языке.

2. Другим важным понятием, раскрывающим существенную сторону лингвокультурологической компетенции, является функциональная интерпретация ее структуры.

Лингвокультурологическая компетенция (идеальное значение системы культуре) предполагает не только парадигматическую систематизацию единиц, но и раскрытие их характерных функций. Этот аспект существен не только как теоретическая интерпретация, но и методологический план изучения (преподавания) лингвокультурологических дисциплин, его методологических основ.

Важно в этой связи подчеркнуть, что сама лингвокультура может рассматриваться не только как дедуктивно данная единица, но и единица, рождаемая в тексте и получающая в нем свою конкретную специфическую реализацию. Система и текст, дедукция и индукция оказываются здесь тесно связанными как две стороны единого целого.

Как было показано (§ 5), парадигмы и синтагмы лингвокультурем в поле оказываются «удвоенными» в силу самого характера рассматриваемых единиц. Это значит, что, например, синтагматика (функциональный аспект) раскрывается здесь не только как употребление слов, но и внеязыковая сущность - система знаний обращения с предметом, само действие, сложный процесс его реализации и т.п. Лингвокультура щц (1) существенна не только как

1). См., например, у В.И. Даля (1994, IV, с. 657): «щц - похлебка, мясная или постная, из рубленой и квашеной капусты ; иногда капусту заменяет щавель, свекольник и пр. <...> Щц с подбелкою, с забелкою, со сметаной, с

мучицею на молоке; в пост, с конопляным маслом. Крапивные щи, по перво-весенью. Ленивые щи, из свежей, нарубленной капусты, искрошенной ножом. Мороженые щи берут в дорогу, рубят их и греют».

номинация предмета (первого блюда в русской кухне), его свойств и процессов, но и как раскрытие самого внеязыкового содержания, процесса приготовления кушанья: варить щи (состав компонентов щей, процесса их приготовления и т.п.). Сравним еще: брага, варить брагу и т.п. Следует подчеркнуть, что «глубинные» лингвокультурологические парадигмы и синтагмы внеязыкового уровня, имеющие сходные, соотносимые языковые выражения, могут не совпадать в различных культурах.

Различие может возникать в разных уровнях лингвокультурологической синтагмы. Так, русская синтагма считать на пальцах/по пальцам, сходная по составу компонентов и общему смыслу в целом ряде языков (ср. фр. compter sur ses doigts), по-видимому, будет по-разному интерпретироваться на «глубинном» внеязыковом уровне, наполняться разным конкретным содержанием в зависимости от культурного смысла лингвокультуры «считать на пальцах»:

- 1) «считать, загибая пальцы» (русск.),
- 2) «считать, разгибая пальцы» (франц.).

Ср. в русском языке: считать, загибая пальцы. «Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. Булгарина в мизинце» [А.С. Пушкин. *Несколько слов о мизинце г. Булгарина*]; «Загибая на руке пальцы, он перечислял [то есть, считал. - В.В.] вещи, которые девчата должны взять с собой» [Н.З.Бирюков. *Чайка*]; ср. у В.И. Даля: «Загни для памяти палец» [Даль, 1994, т. 3, с. 12].

Изучение синтагматических свойств лингвокультурем должно предполагать оба уровня синтагматики: собственно языковой и внеязыковой, то есть свойства культурной реалии, ее употребление и использование.

Лингвокультурологическая компетенция должна быть представлена в этой связи не только как удвоенная система (парадигма), но и как двуединая действующая функциональная модель (синтагма), в которой знак, языковое значение и культурный смысл единиц поля должны быть взаимно обусловлены. Это значит, что система знаков лингвокультурем должна раскрывать систему реальных знаний о культуре, представленных в виде модели, в которой собственно языковая «картина мира» углубляется до лингвокультурологической «картины мира» как компетенции.

Согласуясь между собой в силу диалектической связи языка и мышления как отражения мира, языковая и лингвокультурологиче-

ская «картины мира» (лингвистическая и культурологическая компетенции) в то же время имеют свои различия, свою специфику. Лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой, но оказывается содержательно более глубокой, так как первая выступает по отношению к ней, главным образом, только как знак, «намек», в понимании А.А.Потебни. Лингвокультурологическая компетенция - система знаний о культуре, воплощенная в определенном национальном языке. Поэтому языковые знаки и выражения требуют внеязыкового способа их раскрытия. Так, упомянутый выше факт - счет «на пальцах» должен быть интерпретирован на уровне глубинного культурного смысла лингвокультуремы, референции: сравним, считать, загибая пальцы («Вот и поговорку поганую русский же придумал - пальцы де у каждого только к себе гнутся» [Ю.И. Федоров. *Поручает Россия.*]) и, отгибая их (что не фиксируется в зоне собственно языковой семантики).

Лингвокультурологическая компетенция, детерминированная миром культуры и оформленная языковым полем, может быть представлена как действующая функциональная модель, (аналогичная «энергейи» В. Гумбольдта), как экспликация того, что У.Эко называет культурой как коммуникацией (Kultur als Kommunikation).

3. Так как лингвокультурема представляет собой по своей природе единство собственно языкового и внеязыкового содержания, ее лингвистический анализ неизбежно должен дополняться когнитивным, чтобы стать анализом целостным, охватывающим все ее стороны. Категория знания является в когнитивном анализе центральной, а сам язык, по образному выражению Е.Г. Беляевской, «рассматривается как своеобразная «упаковка» знаний (включая знания о мире и знания о языковой системе) и мыслительного содержания, передаваемого в процессе коммуникации» [Беляевская, 1992, с. 3].

Такой когнитивный подход целесообразно осуществлять в виде особых моделей определенных фрагментов действительности, типовых ситуаций, «сценариев» - фреймов. «Обращение к фреймам предполагает рассмотрение всего комплекса знаний об объекте или ситуации, существующего в данный исторический период в данном социуме <...> Этот принцип обеспечивает более «энциклопедический» подход, чем это принято в традиционной лексикологии, и показывает, что лексикон тесно связан с общими знаниями человека и неотделим от них» [Беляевская, 1992, с. 12].

В этом смысле лингвокультурему можно рассматривать как особый микрофрейм - блок знаний о культуре, выражаемый соответствующей языковой формой и представленный на уровне языка

«минимальным содержанием» - знаком - лексическим значением, а системно-функциональный аспект поля - как структуру таких микрофреймов.

Когнитивные структуры образуют, таким образом, основу не только знаний, но и значений. Моделирование таких процессов помогает раскрыть всю систему лингвокультурем как микрофреймов в заданном поле. Когнитивная модель, рассматриваемая как глубокий уровень микрофрейма - это результат лингвокреативной деятельности данного языкового социума, отражающий видение обозначаемого «предмета» материальной или духовной культуры в соответствующей системе (с учетом национально-языковой специфики); «когнитивная модель задает концептуальную схему структуризации признаков обозначаемого, распределяя их по степени важности и выделяя «номинативный фокус» обозначения» [там же, с. 5].

Не менее важен, на наш взгляд, и другой аспект когнитивного уровня: внутренняя, функциональная связь фреймов (лингвокультурем), образующих единую взаимосвязанную «мозаику» единиц, находящихся в отношениях импликации. Идею «использования фреймов (то есть развернутых сетей из взаимозависимых схем функциональных связей и последовательности действий) для представления знаний» предлагал в книге «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов [1987, с. 192]. Мы считаем, что такую единицу можно использовать не только на уровне «языка мысли», но и более специализированно - в области лингвокультурологии.

Существенным при когнитивном подходе является не только раскрытие «последовательности действий», операций с «предметом» в референтивном плане, но и проникновение благодаря «развернутым сетям» связей в саму структуру поля, где ядро, центр и периферия оказываются тесно связанными отношениями составляющих их единиц. «Сеть» позволяет последовательно переходить от центра к периферии и, наоборот, обосновывать смысловой характер единиц центра, раскрывать их содержание через свойства периферийных единиц, например, черты русской национальной личности - через ее ореол: предметную культуру, о чем пойдет речь в следующей, второй, главе.

Глава 2

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ

§ 1. Культурологическое исследование национальной личности

В современной культурологии, новой социально-гуманитарной отрасли знания, рассматриваются вопросы, связанные с функционированием и взаимовлиянием культур [Данилевский, 1991], «портретированием» культур [Шпенглер, 1923; Madariaga, 1932], описываются социальные («идеальные») типы [Weber, 1965], исторические модификации и социокультурные стили [Леонтьев, 1993; Сорокин, 1990, 1994]. Собственно, на типологических концепциях этих теоретиков культуры мы и остановимся для обоснования культурологической парадигмы национальной личности (категориального аппарата, фактического материала и способа системного описания). Это актуально, ибо по теории персонализма весь мир состоит из личностей, действительных и потенциальных, и каждая личность есть первичный, не производный из других, элемент мира [Нерозник, 1994, с. 16].

В общественных науках системно-типологический метод сформировался в конце XIX, начале XX столетия прежде всего на основе идей позитивизма Э. Конта, согласно которым социокультурная эволюция является духовной, и именно интеллектуальные типы и становятся типами культуры. Позже ученые-эволюционисты Г. Спенсер, Э. Тейлор и другие исходили из идей закономерного развития общества, рассматривали элементы культуры как индикаторы общественного развития.

Интересна концепция «диффузионизма» Л. Фробениуса, представителя культурно-исторической школы, предложившего понятие «культурного круга», когда развитие культуры объясняется не линейной эволюцией, а случайным сочетанием творчества и заимствований. Теоретики концепции «культурно-исторических типов» [Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, М. Вебер и др.] подчеркивали обычно роль духовных ценностей, душевного склада в интеграции культуры. Этот «рационалистический взгляд сочетается с «философией жизни», органицизмом. Культура нередко уподобляется исторической личности [добавим, национальной - В.В.], име-

ющей свое лицо, свой характер» [Соколов, 1989, с. 21], а личность, в свою очередь, - это индивидуальное проявление народности.

Исследование культурной самобытности русской национальной личности имеет большое значение для познания России, позволяет не только «добыть недостающую душу из русских национальных корней, говорил Дж. Уолден, - но и вдохнет новую жизнь в нашу больную культуру» [1989]. Культурологическая концепция Н.Я. Данилевского, изложенная в книге "Россия и Европа", стала «поворотным пунктом в развитии русского самосознания» [Бестужев-Рюмин, 1889, с.559]. По мнению Данилевского, человечество не представляет собою чего-то единого, «живого целого», а скорее походит на живую стихию, в которой существует развитие отдельных культурно-исторических типов. Среди них самый молодой - славяне, не предназначенные «обновить весь мир, найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов <...>. И чтобы убедиться в их существовании, нужно представить себе некоторую совокупность множества людей, связанных и соседством по месту, и общностью языка, душевного склада и всего быта, и вообразить, что в подобной массе, по мере того как поколения следуют за поколениями, совершается ясное культурное развитие, нарастание, расцвет и одряхление особого склада всех сфер человеческой жизни» [Там же, с. 518]. В учении Данилевского формообразующий принцип культуры соединяет национальные ценности народа с его историческими целями. И тогда нация может быть представлена базовой национальной личностью, вследствие чего для культуры русское и славянское, святое и истинно всемирно-историческое и всечеловеческое дело - не пропадет [Там же].

Н.Я. Данилевский пришел к мысли относительно того, что элементы национальной культуры, попадая в иную среду, переосмысливаются, а важнейшие достижения человеческого духа достигают зрелости, лишь пройдя через сознание нескольких наций, становясь «всечеловеческими», которые, без сомнения, «выше всякого отдельно человеческого или народного» [Данилевский, 1991, с. 566]. В статье «Несколько слов по поводу конституционных вождений нашей "либеральной прессы"» Данилевский выступил против обвинений русского народа в рабской психологии, отмечая, что ни один другой народ, каким бы высокоразвитым и свободолюбивым он ни был, не придает первенствующего значения «внутреннему сокровищу духа»! [1881, с. 227]. В культурологии Данилевского ценным сегодня является предостережение о денационализации куль-

туры. По его мнению, установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, одной культуры лишило бы человечество элемента разнообразия, что привело бы к потере «нравственной народной самобытности».

Пристального внимания заслуживает культурологическая модель исторического развития К.Н. Леонтьева, изложенная в работе «Византизм и славянство» [1993]. Он следовал теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, но в то же время считал наивным противопоставлять Россию Европе, подчеркивая, что образ культуры, насаждаемый европейской цивилизацией, усечет и изведет самосознание русского народа. Основные мотивы, не позволявшие ему сделать такой шаг, связаны с размыванием либерализмом и эгалитаризмом человеческой личности, попыткой насадить европейски усредненного человека, лишением самобытности и своеобразия народа как национальной общности, угнетением и уничтожением его культуры [Леонтьев, 1993, с.14-15]. Именно истинно культурное, по Леонтьеву, обособляющее русских в быте, духе, учреждениях, должно отныне стать жестким противником чисто политического панславизма.

О. Шпенглер в книге «Закат Европы» (Опыт морфологии мировой истории) [1923] изложил концепцию типов культуры, близкую взглядам Н.Я. Данилевского. По Шпенглеру, каждая культура - одно из возможных решений проблемы личности с ее творческими задатками. Отмечая специфичность национальной культуры, О. Шпенглер предпочитает научно-объективному методу «портретирование» культур, целостность которых он выводит из духовной, идеальной основы. Отрицая существование общих исторических законов, он настаивает на уникальности каждой из культур, которые следует не анализировать, а сравнивать. Вслед за Н.Я. Данилевским, О. Шпенглер выделяет этапы развития культуры. Последний период он называет цивилизацией, порождающей всепоглощающую государственность, а затем и приход «сильной личности».

Хотя О. Шпенглер одним из первых в культурологии исследовал морфологию культуры, он, однако, ошибся в ее оценке как сокровищнице человеческого опыта. Его тезис о «взаимонепроницаемости» культур и их гибели опровергнут самой жизнью: без диалога культур нет истории и развития личности, ибо осмысление судеб чужой культуры помогает лучше понять себя.

«Портретирование» культуры, предпринятое испанским эссеистом С. де Мадариагой в книге «Англичане, испанцы, французы» [1932], предполагает описание национальной личности через доминирующие компоненты: воли у англичан - *fair play*, то есть «честная

игра», страсти у испанцев - *el honor*, что значит честь, интеллекта у французов - *le droit*, то есть право, идея, система. Национальная личность успешно проявляет себя в тех видах деятельности, которые больше всего соответствуют ее мировоззрению. Так, англичане считают, что мышление имеет смысл постольку, поскольку оно переходит в действие. Немцы и русские стремятся к знанию ради постижения окончательной правды, тогда как для испанца страсть - более целостное проявление личности, чем действие и мысль; испанская мысль глубоко личностна.

Предложенная Мадариагой характерология позволяет понять глубинную сущность культуры, освободиться от стереотипов. Разнообразие национальных личностей, понимание их специфических особенностей открывает путь к взаимопониманию народов и диалогу культур.

Теория «идеальных типов» М. Вебера [1965] - образ культуры, «накладываемый» на изучаемую реальность, формировалась в русле немецкой философско-исторической традиции. «Идеальный тип», необходимый для построения гипотез, строится как теоретическая смысловая конструкция, мало встречаемая в действительности. Наиболее известные «идеальные типы» М. Вебера, во-первых, обусловлены рациональными интересами господства и власти, во-вторых, основываются на привычках и традициях и, в-третьих, связаны с эмоциональным принятием власти как атрибута личности. Принцип рациональности М. Вебер считал наиболее прогрессивным инструментом власти: только в рационализированной системе личность может правильно оценивать значимость своих действий. По его мнению, между личностью и идеей существует «избирательное сродство», созвучие, а не отражение материальных или классовых интересов.

Личность, по определению Л.П. Карсавина, - «единство множества или многоединство»: «Единство личности не что иное, как ее духовность. Напротив, множественность личности, ее делимость, определимость и определенность, не иное что, как ее телесность. Личность не тело, не дух и не дух и тело, но духовно-телесное существо» [Карсавин, 1992, с. 20]. Познавая себя, личность сознает в социуме и свое «инобытие», так как познание «инобытия» есть вместе с тем и самопознание. Индивидуальные личности, как уже отмечалось, сливаются в высшей форме личности: «Является ли личность обязательно индивидуальной личностью? и не есть ли индивидуальная личность момент высшего единства, высшей личности, которую я называю симфонической?» [Там же, с. 22].

Личность как онтологическая сущность и категория в познании проявляет себя в ряде существенных сторон и моментов развития. Личность, входя в иерархию онтологических реальностей, предполагает реальность других личностей. «А так как это ее множество и есть ее единство, - каждый момент, являясь единственно-неповторимым и соотнесенным со всеми прочими такими же моментами «выражением» личности, должен быть ею самою, всею личностью, а, следовательно - и всеми другими ее моментами. Во всяком моменте осуществляется целиком вся личность (хотя, как несовершенная, - только отвлеченно и стяженно). Значит, во всяком моменте осуществляются и «даны» все прочие моменты (- иначе ведь и знание невозможно!), хотя он от них и отличен <...> Потому-то мы всегда познаем личность чрез какой-нибудь конкретный ее аспект [*разрядка наша. - В.В.*], через один из ее моментов, получающий благодаря этому символическое значение» [*Карсавин, 1992, с. 77*].

Неизбежными следствиями из основных постулатов личности являются следующие.

1. Личность - духовно-телесное единство. «Духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность» [*Бердяев, 1993, с. 324*]. Ее определяющее начало должно опираться на концепцию духовности, систему концептуальных ценностей, раскрывающих ее. Под духовностью, вслед за С.Б. Крымским, будем понимать «способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себе тождественность человека, его свободы от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями. Духовность, в конечном счете, приводит, к своего рода, смысловой космогонии; соединение образа мира с нравственным законом личности» [*Крымский, 1992, с. 23*]. Духовность как важнейшая доминанта личности - своеобразное опосредующее начало между интеллектом и инстинктом, «нравственный регулятор» их отношений в этически организованном разумном существе. Важно при этом подчеркнуть, что духовность, ее нравственно-этическое начало, теснейшим образом связана как с мировой, так и с национальной культурой, ее традициями, отраженными в уме народа. Духовность как этическая и национально выраженная «внутренняя вселенная» является важнейшим мерилем культурных ценностей, их сущности и специфики по отношению к различным нациям. Поэтому русская национальная личность должна, прежде всего, раскрываться через основные параметры духовности русского народа.

2. Личность осознает себя и вместе с тем познается (и определяется) через ее инобытие, то есть ее связь с другими личностями (субъектами носителями духовной культуры) и предметными областями национальной материальной культуры, поскольку личность как таковая не мыслима вне ее материальной культуры, которая выступает в этой связи как какой-нибудь ее конкретный аспект, получающий символическое значение, по Л.П. Карсавину. Поэтому описание русской национальной личности должно даваться в аспекте ее «материального» окружения и опосредования - характерных «национальных маркеров». Русский национальный тип - не только определенный культурно-психологический, социальный и языковой феномен, но и весь его материально-культурный «контекст» в его лингвокультурологическом понимании.

3. Наконец, исследователи проблемы личности обращают внимание на историческое развитие личности, с одной стороны, и одновременно ее целостность, инвариантность, несмотря на преобладающие в ту или иную эпоху определенных ее сторон (иногда даже переход ее в свою противоположность в пределах более общего концепта); ср. выше у Л.П. Карсавина: «Во всяком моменте осуществляется целиком вся личность».

Становление, формирование личности как сознательный процесс, стремление к определенному национальному идеалу (мы оставляем сейчас в стороне отрицательные характеристики и частности) связаны с волевыми процессами. Об этом хорошо сказал поэт И. Северянин в стихотворении «Предгневье»: «Родиться русским - слишком мало: им надо БЫТЬ, им надо СТАТЬ!»

Важная задача, стоящая перед современной отечественной наукой, - восстановление непреходящих ценностей русской культуры, погрязших в «деструктивный период» нашей истории. Многие, наспех переиначенные должны быть не только реабилитированы, но и наполнены новым современным содержанием. Известный тезис о «двух культурах» (1) в каждой национальной культуре отодвигал на задний план единство национальной культуры, если, конечно, пони-

1). Говоря о неоднородности культуры буржуазного общества, В.И. Ленин отмечал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатирующая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) - притом не в виде только «элементов», но и в виде господствующей культуры. Поэтому национальная культура во-

обще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [Ленин, т. 24, с. 120-121].

мать ее не утилитарно и извращенно в «пользу» различного рода классовых представлений тоталитарной политики. П.И. Новгородцев в статье «Восстановление святынь», опубликованной в 1926 году, писал: «Необходимо понять, что для создания новой России нужны новые духовные силы, нужна вернувшаяся к новому свету душа. Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди страшного развала ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах. Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни, не уничтоженные сокрушительным вихрем жестоких испытаний. Тлетворное дыхание большевизма всюду оставит следы разложения и распада. И новый дух, закаленный в этой страшной борьбе, с величайшим трудом будет овладевать распавшимися элементами общей жизни» [Новгородцев, 1991, с. 576-577].

Определение сущности и целостности русской национальной личности неизбежно сопряжено с ее историческим рассмотрением, хотя бы в самых общих чертах, так как основные параметры (доминанты) ее подвергались на протяжении истории различного рода модификациям: как естественным, так и насильственно-волевым. Личность как продукт своей эпохи способна «представлять общие интересы и идеи и управлять людьми во имя общих начал, вести, учить и просвещать их. Эти способности, которыми обладают исторические личности, истинные деятели и учителя человечества, нуждаются в объяснении» [Трубецкой, 1993, с. 73].

Для исследования проблем взаимодействия языка и культуры личность - средоточие их взаимосвязи - должна раскрываться как выраженная в языке, как языковая личность (*homo loquens*). В противном случае эта проблема останется на уровне рассуждений о культуре и личности вне ее воплощения в языке, то есть не выступит как предмет лингвокультурологии. В самом деле, простое описание русской национальной личности еще не есть лингвокультурологическое поле, не будучи данной через язык, в ее наиболее характерной языковой реализации.

Поиск смысловых и языковых доминант русской национальной личности - дело весьма и весьма трудное. Тем не менее, это не ис-

ключает сведения всего многообразия и индивидуальностей типов к некоторой базовой личности (инварианту). Как справедливо отмечает Ю.Н. Караулов, «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то обуславливает возможность выделения в общеязыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части. Последняя, вероятно, может расцениваться как аналог или коррелят существующего в социальной психологии (не общепринятого) понятия базовой личности, под которым понимается структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды» [Караулов, 1987, с. 37].

Характерная, закреплённая в устойчивых языковых средствах, выраженность *homo loquens* - неперемённая её составная часть: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же, с. 38]. Это - не сужение или специфика - для личности вообще, а её углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием. Совокупность ряда специфических черт (доминант) позволяет на основе понятия «русская национальная личность» говорить о лингвистически выраженной русской языковой личности [Там же, с. 42].

Поскольку человек как представитель нации, «погружается» в тексты, причём характерные, последние выступают как его своеобразные лингвокультурологические маркеры. Это - так называемые «прецедентные тексты» (от лат. *praece-dens, praecedentis* - предшествующий чему-то, определяющий что-то, показательный, характерный для чего-то или кого-то), если только они выступают как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Там же, с. 216].

Специфика лингвокультурологического поля как единства языкового и понятийного содержания определяет как характер, так и пути его воссоздания. Это - целенаправленный синтез лингвистических и культурно-понятийных характеристик.

Личность как социально-этическая категория, выражающая духовность, представляет собой обобщение характерных черт индивидуумов определённого национального социума. Это - своеобраз-

ный концепт, конструкт, «модальная личность». Н.А. Бердяев подчеркивал: «Индивидуум есть категория натуралистически-биологическая. Личность же есть категория религиозно-духовная <...> Личность есть носитель и творец сверхличных ценностей, и только это созидает ее цельность, единство и вечное значение <...> Личность есть по преимуществу нравственный принцип, из нее определяется отношение ко всякой ценности» [Бердяев, 1993, с. 62-63]. Именно поэтому личность представляет одну из центральных категорий этики, является мерилom национальной и общечеловеческой нравственности.

Будучи ценностью, культурно-национальным феноменом, личность представляет собой реализацию сверхличных ценностей национальной личности, без которых она немыслима и перестает существовать.

В каждой национальной культуре (или в целом во всех культурах) есть идеальный образ человека: это целостная человеческая личность. Такая личность предполагает как изменения, так и неизменность, без чего не может быть отождествления личности в разные эпохи ее развития. Коренные различия в типах личности, по А. Кардинеру [1967], определяются влиянием культурной среды, а «выявление устойчивого набора черт предполагается не в том или ином социуме, а в культурной группе, которых внутри одного и того же общества может быть несколько» [Касьянова, 1994, с. 26]. Следовательно, понятие «национальная личность» и подвижное, и одновременно устойчивое в своей сущности.

Определяющее и стабильное в духовности нации, в ее идейно-нравственных началах принадлежит, прежде всего, личности, через которую раскрывается национально-культурный тип человека. Это обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении эволюции русской национальной личности, так как под влиянием определенных социально-исторических факторов ее содержание могло в разные эпохи значительно модифицироваться, наполняться различными смыслами, которые в рамках исходного инварианта могли вступать в противоречие.

По-видимому, за основополагающий принцип можно принять следующую мысль Н.А. Бердяева: «В иерархии духовных ценностей первое место принадлежит личности, второе место обществу и лишь третье место государству. Но в мире социальной обыденности, в мире греховном ценность низшая приобретает наибольшую ценность, ценность же высшая - наименьшую. Наибольшей силой обладает государство, затем следует общество и наименьшей си-

лой обладает наибольшая ценность личности» [Бердяев, 1990, с. 175].

Следовательно, никакое ценностное отношение не может быть исследовано вне отношения к личности, которая сама нуждается в аксиологическом подходе. Поэтому необходимо выяснить ценностный аспект взаимоотношения культуры и личности, состоящий в том, что «культура представляет собой поприще проявления сущностных сил личности и ценности, значимость личности часто измеряют вкладом, вносимым ею в создание материальной и духовной культур» [Культура в свете философии, 1979, с. 14]. Иными словами, культура и личность являются целями друг друга, процесс их взаимодействия носит двоякий характер: культура создается личностью, но в то же время, личность формируется культурой. В лице общества и при посредстве общественных отношений культура сознает себя в отдельных личностях (сознает степень своей целостности или как, например, в России в начале XX века - противоречивой разорванности, свой продуктивный потенциал, наконец, меру своей общезначимости). Личность может оказывать глубокое влияние на деятельность общества в целом. И формы социального взаимодействия сами по себе предопределяют тип личности. Из этого следует, что изучение и анализ внутреннего мира личности имеет принципиальное значение для лингвокультурологии.

§ 3. Доминанты поля «русская национальная личность»

В развитии методов анализа, как языка, так и культуры, отчетливо прослеживается тенденция от сравнительно- и сопоставительно-исторического исследования объектов к структурным методам их изучения.

В современной науке особую значимость и ценность приобретает конструктивный метод, который предполагает возможность и необходимость построения, моделирования объектов: «объект может быть принят как объект теории, только если он может быть построен или смоделирован исследователем» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 298].

Плодотворная попытка конструирования объектов как способа их интерпретации была предпринята Ю.Н. Карауловым. По его мнению, «лингвистическое конструирование - это не только способ создания новых «вещей», но и метод изучения, выявляющий существенные стороны языкового материала, предполагающий как этап его анализа, так и этап синтеза. Значит, при лингвистическом конструировании, в ходе построения новых лингвистических объек-

тов сам язык выступает и как предмет эксперимента, и как субъект научного исследования» [Караулов, 1981, с. 18].

Поиски генеративных (порождающих) методик в исследовании языка и тесно связанной им культурой опирается на раскрытие их функциональной природы, о чем уже говорилось выше. Сам язык, в котором отразилась вековая деятельность его носителей, при внимательном его анализе, действительно, оценивается не только непосредственным объектом лингвокультурологической теории, но и с у б ъ е к т о м такого анализа, объективным критерием его. Опираясь на объективные факты лингвокультурологического характера, можно конструировать объект, моделируя его на основе отраженных в языке культурных ценностей.

Говоря об основных принципах конструирования лингвокультурологического поля «русская национальная личность», следует иметь в виду две проблемы: во-первых, определение инвариантного смысла поля и, во-вторых, лингвистическую технику тезауруса.

Главной предпосылкой всякой культуры является как сам человек, так и народ. Проследив биографию отдельного человека или историю отдельного народа, можно «установить некоторую сумму постоянно действующих качеств: доминанту отдельной личности, характер личности индивидуальной и дух личности коллективной» [Солоневич, 1994, с. 312]. Специфика культуры определяется особенностями национальной личности.

«Какими словами, в каких понятиях охарактеризовать русскость? - спрашивает религиозный мыслитель, историк и публицист русского зарубежья Г.П. Федотов. - Оно дано всегда в единстве далеко расходящихся, часто противоречивых индивидуальностей. Покрыть их всех общим знаком невозможно. Что общего у Пушкина, Достоевского, Толстого? Попробуйте вынести общее за скобку - окажется так ничтожно мало, просто пустое место. Но не может быть определение русскости, из которого были бы исключены Пушкин, Достоевский и столько еще других, на них не похожих <...>

В этом затруднении, по-видимому, непреодолимом, единственный выход - в отказе от ложного монизма и в изображении коллективной души как единства противоположностей. Чтобы не утонуть в многообразии, можно свести его к полярности двух несводимых далее типов. Схемой личности будет тогда не круг, а эллипс. Его двоецентрие образует то напряжение, которое только и делает возможным жизнь и движение непрерывно изменяющегося соборного организма» [Федотов, 1992, II, с. 172].

Понятие «русская национальная личность» - коллективное, собирательное, предполагающее напряженное противоречие двух по-

люсов эллипса («дополнительности» и антонимичности в поле, по Ю.Н. Караулову). Различные типы и подтипы (и тем более - индивидуумы) могут тяготеть к тому или иному полюсу, вырисовывая вместе с тем общенациональный тип как равновесие раздвоенного единства, то есть противоположностей:

А

В

Как будет показано ниже, такая интерпретация объекта дает ключ к рассмотрению жизни и движения изменяющегося «соборного» организма - «русской национальной личности».

Это общее понятие, как уже отмечалось, есть конъюнкция трех смыслов:

‘русский’ - **‘национальный’** - **‘личность’**, то есть:

- **‘русский’** - ‘относящийся к коренному населению России (к русским), к России; такой, как у русских, как в России’;

- **‘национальный’** - ‘относящийся к нации: исторически сложившейся устойчивой общности людей, образующейся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика’; нация со всеми своими атрибутами выступает как один из важнейших компонентов общественной среды, где развивается личность. «Национальная принадлежность личности - это показатель того, что национальное как общественное образование индивидуализировано, в микроструктуру личности включены национальные ценности, система национальных традиций в различных сферах общественной жизни, обычаи, обряды, социальные символы» [Шанин, Тавадов, 1992, с. 16];

- **‘личность’** - ‘человек как носитель каких-либо свойств, лицо’ (по данным словаря) [Ожегов, 1992]; каждая личность выступает носителем как общечеловеческих, так и национальных интересов в их диалектическом единстве и взаимопроникновении.

Совокупность основных сем этих трех смыслов, данных в их конъюнкции, составляет главное содержание имени поля «русская национальная личность».

При всей сложности определения каждого из трех смыслов, образующих общее понятие - имя поля, наиболее трудным является установление первого из них - **‘русский’**. Даже в современном лексиконе ‘русский’ нередко связывается с чем-то вненациональным, лишенным национального смысла. Существенным недостатком

ком в русском языке «является то, что прилагательное «русский» мы одновременно употребляем и в качестве имени существительного, в то время как для других народов наш язык обладает ясно расчлененными понятиями состояния и принадлежности. Мы говорим: немец и немецкий, француз и французский и только для себя мы не различили этого. Принципиально правильно было бы говорить «росс» или «россиянин», однако оба эти слова приняли теперь какой-то риторический оттенок и поэтому вышли из употребления» [Вилинский, 1993, с. 91].

1. Россия, по данным энциклопедий и энциклопедических словарей, - страна и государство, расположенные в Европе и Азии. Название это появилось в конце XV века и до начала XVIII века употреблялось наряду с названиями Русь, Русия (в Киевском государстве выражали идею общерусского этнического и политического единства), Русская земля, Московское государство, Русское государство; с XVI века - оно синоним названия Русское царство; с 1721 года - Российская империя; с 1917 года - это название территории РСФСР; в настоящее время - Российской Федерации; за рубежом Россией часто называют всю территорию бывшего Советского Союза [см.: *Советский энциклопедический словарь*, 1983, с. 1152].

2. Сложность содержания понятия «русская национальная личность» требует поэтапного, всестороннего его рассмотрения. Сейчас же в самой общей форме оно может быть определено как носитель национальной русской культуры, его обобщенное языковое воплощение.

3. Развитие понятия «**русскости**», его, с одной стороны, определенность (отношения к России и др.), а с другой - размытость ('Русь', 'Российская империя', 'Советский Союз' и пр.), не говоря уже о трудности выделения «собственно русского», требует конкретизации этого понятия, необходимости выявления главного его содержания, его доминант.

В общем содержании понятия «**р у с с к о с т и**» есть элемент диффузности, его осложненности смежными содержаниями:

русский **российский**
русская
великорусский
россиянин
славянский **советский**

По отношению к центральной лексеме «**русский**» все другие лексемы имеют некоторые осложнения: от парадигматической национальной и национально-социальной противопоставленности (**бело-**

русский - великорусский - украинский) до выражения исходного смысла '**русский**' как вторичной семантической функции (**русский - советский**, ср. Россия - Советский Союз).

Выделение и структурирование таких сложных лингвокультурологических полей, как «русская национальная личность» с ее языковым и внеязыковым уровнями, представляет собой труднейшую задачу в силу сложности самого объекта, его диффузности и не во всем строгого противопоставления другим полям (национальным личностям) вследствие отсутствия четких границ между сходными полями как внутри одного культурологического ареала, так и в различных национальных сферах.

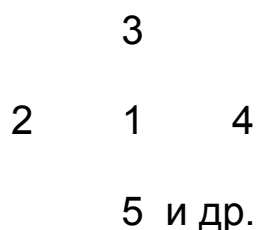
Основная задача аналитической части работы - конструирование модели положительного русского национального типа, вбирающего в себя наиболее характерные черты нации в ее лучшем (идеальном) проявлении как отражение текстов народного творчества (фольклора), литературы, публицистики, искусства и т.п. или проявление выдающихся личностей. На это, кстати, указывает Д.С. Лихачев: «Следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал, тем не менее, очень важен» [Лихачев, 1981, с. 55]. Отрицательные же типы - это своеобразные дополнения к позитивному целому; они не могут преобладать, но выступают как показатель «раздвоенности», поляризации рассматриваемого объекта и как предмет критики нации в лице выдающейся личности, желающей искоренить их: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать» [П. Чаадаев. Отрывки и афоризмы].

На основании анализа разнообразного материала (фольклор, религиозная литература, публицистика, литература по эстетике и философии, социологии, политике, психологии и др.) можно предложить ряд ведущих характеристик (доминант), определяющих основные свойства русской национальной личности, о чем будет сказано ниже, а также условно выделить основные этапы ее формирования и развития: 1) период возникновения и становления (до начала нашего века), 2) послеоктябрьский, советский период (с 28 года до середины 80-х годов) и 3) период возрождения и становления нового человека (начиная с середины 80-х годов). Послеоктябрьский период в развитии русской национальной личности, конечно, противоречив по своей природе и содержанию: наряду с некоторыми новыми положительными качествами в развитии личности (например, в период Великой Отечественной войны) он характеризу-

ется отмиранием или намеренным уничтожением в тоталитарном государстве прежних ее привлекательных сторон: «Не было не только русского, но не было ничего и своего личного. Не было, конечно, и ничего национального. Третий интернационал явился поэтому естественным и законным наследником потери национальной личности [добавим - русской - В.В.], как и философия материализма, - таким же наследником потери личности вообще» [Солоневич, 1994, с. 308].

Несмотря на отмеченные выше трудности в определении смысла имени поля «русская национальная личность», анализ важнейших дефиниций деятелей науки и культуры, частично уже цитированных в диссертации, и в первую очередь - основателей научно-культурного и религиозного течения «русская идея» (Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и их последователи)¹, выдвигаем в качестве важнейших доминант рассматриваемого концепта следующие: 1) **религиозность (православие)**, 2) **соборность**, 3) **всемирная отзывчивость**, 4) **стремление к высшим формам опыта**, 5) **поляризованность души** и некоторые другие.

Иерархия таких маркеров центра поля позволяет предложить следующую его структуру как систему классов лингвокультурем:

При этом следует иметь в виду историческую изменчивость, подвижность структуры поля, семантики и аксиологии его составляющих. Так, центральный его компонент «религиозность» («религия») в советский период претерпел резкие изменения в своей главной характеристике. Достаточно, например, сравнить определения слова «религия» в словарях прошлого века и в современных словарях: ср. «Богочитание, вера в Бога» [Словарь церковнославянского и русского языка, СПб, 1847, т. 4, с. 62], «вера, духовная вера, исповеданье, богочитание или основные духовные убеждения [Даль, 1994, т. 4, с. 90], с одной стороны, и «Мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование бога, сверхъестественных сил, управляющих миром»

1). См. сб.: *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья* [1990].

[Словарь русского языка, 1984, т. 3, с. 704], - с другой, что является аналогом официально-партийной оценки: «Религия - опиум для народа». Нравственно-воспитательная функция религии как одно из главных проявлений веры в концепции тоталитарной идеологии уступила место иллюзорно-компенсаторной. Однако влияние русской церкви на формирование, становление и прогресс русской культуры на протяжении многих столетий было, очевидно, весьма значительным. Не преувеличивая «религиозность русского народа, надо, тем не менее, признать немалое влияние нравственных установок христианства на жизнь многих поколений русских. Эти установки тесно связаны с бытом, семейными отношениями и высокими ценностями общенационального характера, такими как патриотизм, любовь к Родине, самоотверженность в борьбе за ее свободу» [Краснов, 1989, с. 270].

Новая оценка религии и ее нравственно-воспитательной роли в развитии современного общества выступает как синтез в отрицании отрицания, как возврат к лучшим традициям на поступательном спиралеобразном движении вперед, как условия формирования духоносной личности [Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и др.]. Вера и наука представляют собой две взаимодополняющие, а не отрицающие формы познания: «Религиозная вера в собственной своей стихии не заинтересована умственной проверкой своего содержания: она его утверждает с абсолютной уверенностью, как свыше данную, или открытую, истину» [Атеистический словарь, 1985, с. 472].

1. Н.О. Лосский считал, что **религиозность, православие** и связанное с ними **искание абсолютного добра** есть «наиболее глубокая черта русского народа» [Лосский, 1990, 1, с. 5], аргументируя эту мысль как своими собственными наблюдениями (ср. развитие мысли о двух заповедях Иисуса Христа: «Люби Бога больше себя и ближнего, как себя»), так и ссылками на Ф.М. Достоевского («Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос»), Л.Н. Толстого (русский народ «кроткий, мудрый, святой»), С.Л. Франка («русский дух насквозь проникнут религиозностью»), Н.А. Бердяева («русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего»), С.Н. Булгакова («Россия должна явить миру святую Русь»), Л.П. Карсавина («Культура полнее всего понимается в религиозном ее качественности»), Г.В. Флоровского («И чтобы стать «русским», действительно, необходимо «быть православным»). Подтверждением всех этих высказываний русских ученых и писателей могут служить и слова А. Белого о том, что «мы можем казаться себе не религиозными, но это только в сознании; в бессознатель-

ной, в жизненной стихии своей мы религиозны, если народны; и народны, если религиозны» [Белый, 1994, с. 357].

Эта характерная глубинная черта русской национальной личности отражается в языке не только в религиозной, философской и художественной литературе, но и с древнейших времен в фольклоре, например, в пословицах: «Жить - Богу служить»; «Сильна Божья рука»; «Божья рука - владыка»; «У Бога милости много»; «Бог на милость не убог»; «Друг обо друге, а Бог обо всех (печется)»; «Бог полюбит, так не погубит!»; «С богом пойдешь - до блага дойдешь»; «Кто к богу, к тому и бог»; «Любящих и бог любит»; «Никто не может, так Бог поможет»; «Все мы под Богом ходим»; «Кто добро творит, тому Бог отплатит» и др. [Даль, 1957].

Религиозность как свойство русской национальной личности, различного рода упоминания Бога как высшего существа, апелляция к нему, заклинания и т.п. нашли в языке широкое отражение в устойчивых (фразеологических) единицах: «Бог дал (даст)», «дай Бог», «Бог миловал», «Бог не обидел», «Бог судья (кому-либо)», «нет Бога в ком-то», «побойся Бога», «сам Бог велел» и др. Эта черта проявляется в самом характере мышления, эмоций, этических и иных оценках, волевых импульсах: «Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил!» [А.С. Пушкин. *Капитанская дочка*]; «Бог помочь, вам, друзья мои, и в бурях, и в житейском море» [А.С. Пушкин. *19 октября 1827*]; «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья» [А.С. Пушкин. *Отцы пустынноки*]. Производными подклассами лингвокультурем здесь являются обозначения поиска добра, стремления к будущему как воплощению религиозного идеала. Русские люди были всегда преисполнены уважения к прошлому. Д.С. Лихачев считает это самой важной русской национальной чертой. Об особом интересе к прошлому свидетельствует чрезвычайное развитие в Древней Руси исторических жанров: летописания, хронографии, исторические повести, временники. «Рядом с культом прошлого с самого начала в русской литературе находилась ее устремленность к будущему. И это опять-таки черта, далеко выходящая за пределы литературы... Устремленность к будущему выражалась в русской литературе на всем протяжении ее развития. Это была мечта о лучшем будущем, осуждение настоящего, поиски идеального построения общества» [Лихачев, 1989, с. 6].

Религиозность как общий смысл центрального семантического класса лингвокультурем рассматриваемого поля модифицируется и конкретизируется в лингвокультурах других классов.

2. **Соборность** самым тесным образом связана с рассмотренным выше центральным смысловым понятием «религиозности». Это добровольное соединение (собор) индивидов на основе любви к Богу и друг к другу (ср. упомянутые выше заповеди Христа). Славянофилы, особенно А.С. Хомяков, подчеркивали, что только православию (прежде всего русским) свойственно гармонически сочетающееся своеобразие потребностей верующего и церкви (в отличие от католицизма, где преувеличено значение общего и в значительной мере игнорируется личное религиозное творчество, и от протестантизма, где, наоборот, акцентируется внимание на индивидуальном). Дух соборности понимается как черта русской национальной личности расширительно как «чувство локтя», «артельности», коллективной близости, соединения личного и общего в преодолении трудности, взаимной помощи (ср. у В. Даля: «Доброе братство милее богатства»; «Больше той любви не бывает, как друг за друга умереть»; «Жить заодно, делиться пополам»; «Свои люди, сочтемся» и т.п. В качестве подклассов соборности можно отметить лингвокультуремы со значением единения, общительности, коммюнитарности, так как русскому человеку свойственна «ватажность, компанейство: из этой смычки, подпорки соседского плеча родилась позднее русская общинность...» [Личутин, 1989, с. 232].

3. К рассмотренным выше лингвокультуремам примыкает класс единиц с общим смыслом «всемирная отзывчивость», ибо «в русской душе всегда жила скорбь за всех, печалование о судьбах всего мира, вселенское самосознание» [Булгаков, 1993, с. 153]. Это понятие как отличительная черта русского человека было глубоко раскрыто Ф.М. Достоевским в «Подростке», «Дневниках писателя».

В число лингвокультурем этого типа входят, прежде всего, единицы поля с общим значением альтруизма.

4. Русскому народу в большей степени, чем другим, свойственно стремление к высшим формам опыта, противостоящее чистому эмпиризму, потребностям дня: «Русский народ весьма одарен способностью к высоким формам опыта, более значительным, чем чувственный опыт» [Лосский, 1990, 2, с. 24].

Стремление к добру, высшей истине и красоте находит, в частности, отражение в образах и языке таких писателей, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и др.

5. Среди прочих особенностей русской национальной личности следует отметить еще одну, - поляризацию души, в которой странным образом совмещаются совершенно противоположные черты. Ее отметил Н.А. Бердяев: «Русский народ есть в высшей

степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей». Стремление к высшему познанию и труду совмещается в нем с ленью, обломовщиной, иррационализмом, добро со злом и жестокостью, альтруизм с эгоизмом, самоуничужение с национальной гордыней и шовинизмом, святость с разнузданностью, стремление к свободе с покорностью, решительность и целенаправленность со случаем и «авосем»:

Щелк щелку ведь рознь.

Да понадеялся он на русский авось.

[А.С. Пушкин. Сказка о попе и работнике его Балде].

Выделенные выше основные доминанты (как и их модификации, о чем речь пойдет ниже) являются наиболее характерными семантическими признаками имени поля «русская национальная личность». Они позволяют противопоставить это лингвокультурологическое понятие другим, входящим в сферу иных национальных личностей, например, французской.

Существенно иметь в виду, что для такой дифференциации важен не только состав изолированных дифференциальных признаков (семантических доминант), но характер их структуры, сам мотивированный общим смыслом набор доминант, последовательно вытекающий из иерархически главного смысла имени. Отдельные доминанты в разных языках и национальных культурах могут совпадать, но их набор (состав) и структура, образующие смысл имени лингвокультурологического поля, будут различаться, подчеркивать национальную специфику сравниваемых концептов. В каждой нации представлены, например, все типы темпераментов, разновидности склада ума и восприятия окружающей действительности, но в разных сочетаниях и с разной степенью частоты. Более того, национальная личность не сводится просто к психическим особенностям народа, которые встречаются чаще всего. Национальная личность есть неповторимое сочетание отличительных черт данной нации.

Так, компоненты смысла «**религиозность**» могут совпадать в интерпретации соотносительных концептов личности в разных языках, но сама их структура и состав выводимых доминант окажутся различными: мотивированная структура «**религиозность**» - «**соборность**» - «**всемирная отзывчивость**» и др., как представляется, окажется характерной для русской национальной личности и не столь существенной для французской. Или же «такая черта характера, как вспыльчивость, свойственна грекам, грузинам и испанцам. Но греки, грузины и испанцы - разные нации. Терпением отличаются не только русские, но и китайцы. Словом, каждая нация - это

своего рода индивидуальность, живая целостность, главными признаками которой являются особенности психического склада и типов мышления» [Бибихин, 1990, с. 37].

Как было отмечено в § 2 этой главы, личность, опирающаяся в своем определении на понятие «духовности» и тесно связанная с духовной национальной культурой, не мыслима также вне материальной культуры: ее характерное «окружение», тот или иной аспект духовной культуры или предмет материальной культуры получает символическое значение русскости. Идеальные ценности (научные и культурные концепты, характер общественных отношений, поведения, обычаи и т.п.) выражаются в предметах культуры или «соседействуют» с ними, оказываются в их среде.

Центр культурологического поля «русская национальная личность» материализуется не только в лингвокультуремах, типа «человек» (русский), но и в именах характерных реалий определенной культуры. Личность характеризуется предметами материальной культуры и раскрывается в некоторых существенных чертах через них. Факты духовной культуры и предметы материальной культуры раскрывают познавательную перспективу текста, его предметно-культурный план.

Так как культура, как мы видели (§ 3 первой главы) может быть представлена в виде действующей модели коммуникации, ее объекты целесообразно интерпретировать как функционально связанные с названиями национальной личности (русского человека).

Исходя из понятий функций, представим лингвокультурологическое поле «русская национальная личность» в виде функционально зависимых единиц определенных классов.

Как известно, функция выражает определенную зависимость одной переменной от другой: $Y = F(X)$, где F выражает закономерность, по которой между Y и X как значением функции и аргументом (независимым переменным) устанавливается определенная функциональная связь [Кондаков, 1971, с. 580]. Согласно А. Черчу, под функцией следует понимать операцию, «которая, будучи применена к чему-то как к аргументу, дает некоторую вещь в качестве значения функции для данного аргумента» [Черч, 1960, с. 24].

Лингвокультурологическое поле понимается нами как функциональная зависимость понятийно однородных единиц (классов единиц).

Его организующим началом является определенно заданная функция, в нашем случае F рнл. - функция «русская национальная личность», 'русскость', 'русский' (сокращенно: F русск.).

Использование этой функции как закона применительно к определенным аргументам дает в качестве значения функции соответствующее понятие - национальную лингвокультуру:

$Y(F) X_1 X_2 X_3$

дворянин = F русск. (титул высшего привилегированного сословия),

верста = F русск. (мера расстояния),

рубль = F русск. (основная денежная единица).

Ср., например, близкие данным, но не вполне совпадающие с ними понятия в английской культуре и английском языке, а также в других культурах и языках: лорд, миля, фунт стерлингов:

дворянин - титул дворянина, тот кто принадлежит к привилегированному сословию в России

лорд - высший дворянский наследственный титул или титул должностных лиц в Англии

верста - старая русская мера длины, равная 1,06 км

миля - в Великобритании морская миля = 1852 м

рубль - основная русская денежная единица, равная 100 копейкам

фунт стерлингов - основная денежная единица в Великобритании, равная 100 пенсам.

Использование понятия «функция» в специализированном значении F русск. позволяет выделить из набора возможных понятий духовной и материальной культур одного или нескольких народов специфически национальные лингвокультуры.

При этом, с одной стороны, значения функций выделяют общие, национально не маркированные лингвокультуры (F (мера расстояния) = км, km дает совпадение в культурных ареалах), то есть те единицы в классах лингвокультур, которые не имеют лингвокультурологической специфики; с другой стороны, это не национально-культурные и языковые «вкрапления» в классах поля, которые, напротив, находятся в отношении лингвокультурологической оппозиции как специфически национальные единицы:

фр. cousin = русск. двоюродный брат,

фр. cousine = русск. двоюродная сестра.

Восприятие французами составных русских наименований родства оказывается связанным с понятием двоюродности, то есть непрямого родства, не находящего в отличие от французского языка специального выражения: двоюродный брат, двоюродная сестра - сын, дочь дяди или тети. Культурно-языковое микрополе членится здесь по-разному:

cousin
frer

двоюродный брат
брат

soer
cousine

сестра
двоюродная сестра

Ядро лингвокультурологического поля, то есть единицы **русский**, **русский** (сущ.), **русская** (сущ.), **великорусский**, **россиянин**, **российский** и др. находится с другими единицами поля в теснейшей связи (отношении) двух типов:

1) синтагматической, когда определения, несущие семантику поля, выступают как качественные национальные характеристики человека или предмета, представляя собой составную лингвокультуру, и

2) парадигматические, когда понятия и предметы (то есть лингвокультуры поля) интерпретируются как значения функции **F** русск. от определенного аргумента **X**.

К первому типу отношений принадлежат номинации типа: *русские блины*, *русская женщина*, *русский характер*.

В этих сочетаниях вида **А N** определение **A** подчеркивает специфику «русскости», выделяя тот или иной предмет (явление, понятие, живое существо), обозначенные через **N**, из круга подобных, отличающихся как от «нейтральных» лингвокультурем, так и от лингвокультурем другой национальной культуры:

Они хранили в жизни мирной

Привычки милой старины;

У них на масленице жирной

Водились русские блины ... [А.С. Пушкин. *Евгений Онегин*].

Название русской реалии вплетено в контекст «русскости», что еще больше подчеркивает ее национальный колорит:

Два раза в год они говели;

Любили круглые качели,

Подлюдны песни, хоровод [там же].

Русские блины (от общеславянского *mlipъ* - *блинь* в результате диссимилиации **м** на **б**, буквально - 'приготовленный из мучного', то есть из муки) отличаются своими большими размерами (ср. у Даля [1994, 1, с. 985]): «С колокольни отца блином убил» - (из сказки), своим обилием и обилием жирных, соленых «приправ», необыкновенным разнообразием: ср. у Даля, там же - «пекутся с бесчисленным разнообразием: пшеничные, яичные, овсяные, гречневые, из красного или кислого теста». Сравним у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах»: «Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой». Блины особенно часто едят по старинному русскому и славянскому обычаю во время проводов зимы, в масленицу.

Лингвокультурема русская женщина получила раскрытие в русской литературе. И.А. Гончаров так говорит о чертах русской женщины в «Обломове»: «В любви она так нежна; во всех ее отношениях ко всем столько мягкости, ласкового внимания - словом, она женщина!»

При характеристике этой лингвокультуремы как единицы рассматриваемого поля огромное значение имеет анализ широко известных носителям данной культуры прецедентных текстов и составляющих их словесных образов в литературе, то есть результатов художественного моделирования типа. Один из первых в нашей классической литературе создал образ русской женщины А.С. Пушкин. Это - Татьяна Ларина в «Евгении Онегине».

Образ русской женщины органически слит у А.С. Пушкина с красотой русской природы:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму.

Религиозное начало, верность любимому, святость семьи являются доминирующими чертами героини:

Другой... Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я.
То в высшем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан Богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ср. еще:
Была бы верная супруга
И добродетельная мать
...Я вас люблю (к чему лукавить?)
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Этим своим самоотречением Татьяна Ларина подтвердила принадлежность к нравственным стародавним русским устоям.

Ценности русской женщины, которая как натура страстная, «любит не шутя» как идеала поэта - духовные, это стремление не к богатству, а к высшим формам опыта, истине, простоте, человечности:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,

Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас...

Религиозность, добро и нравственность лежат в основе цельности природы русской женщины: она остается верной себе.

Пушкинский образ русской женщины продолжен другими писателями. В «Русских женщинах» («Княгиня Трубецкая») он достигает своего гражданского патриотического апогея:

К н я г и н я
Нет! Я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба -
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть ему рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!

Лингвокультурема русская женщина, помимо ее собственно лингвистического смысла, наполнена огромным лингвокультурологическим, постоянно обогащающимся, содержанием (ср. женские образы И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского как воплощение самых высоких нравственных начал русского человека). В годы Великой Отечественной войны женщина-мать становится символом Родины: «Родина-мать зовет!»

Без знания глубокого культурно-исторического смысла невозможно понять ценности лингвокультураны русская женщина как важнейшего составляющего поля «русская национальная личность».

Столь же емка лингвокультурема русский характер как спрессованная квинтэссенция русского человека.

Она с удивительной художественностью раскрывается в рассказе А.Н. Толстого «Русский характер», входящем в число важ-

нейших прецедентных текстов. Существенная черта русского характера - человечность, духовная красота, глубокая нравственность и сила духа. Она выражается в рассказе в виде ряда перекрестных оценок, принадлежащих героям и повествователю, и составляет лингвокультуру русского характера: «Егор Дремов, должно быть, стесняясь этих разговоров, только вскользь помянул мне о невесте, - очень, мол, хорошая девушка, и уж если сказала, что будет ждать, - дождется, хотя бы он вернулся на одной ноге...»; «Красивая Катя ему отвечает <...> : «Егор, я с вами собралась жить навек. Я вас буду любить верно, очень буду любить... Не отсылайте меня» (ср. с Татьяной Лариной: «Я буду век ему верна»); «Да, вот они, русские характеры! кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила - человеческая красота».

Если в синтагматических отношениях типа **А N**, где определение является маркером «русскости», специфика лингвокультуры раскрывается через линейные связи ее компонентов (русский характер), то в парадигматических отношениях лингвокультуры поля (класса) определяются через указанные выше функциональные зависимости.

Приведем несколько иллюстраций.

Хлеб да соль, хлеб-соль - обозначение русского угощения, предлагаемого гостю. Хлеб-соль, по В. Далю [IY, с. 553], - обед, стол, пища, предлагаемая посетителю, а также угощение: «Без хлеба-соли обедать не садятся»; «Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай»; «Без хлеба, без соли плохая беседа»; «Хлеб-соль ешь, а правду режь»; «Хлеб-соль!» или «хлеб да соль!» - пожелание, привет вошедшему в избу во время обеда и др. На примере этой лингвокультуры, ставшей символом гостеприимства, мира (ср. у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке»: «Жители выходили из домов с хлебом и солью» или в «Истории Пугачева»: «Скрипицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленях, с иконами и хлебом-солью»), можно наблюдать тесную связь материальной и духовной культур: хлеб-соль - хлебосольство как русский обычай и одна из характерных черт русского национального характера: «Имея врожденную склонность к хлебосольству, Петр Васильевич любил видеть у себя гостей и угощать их, несмотря на скудность средств своих» [И.С. Тургенев. *Два приятеля*].

Связь здесь - парадигматического характера, устанавливаемая через функциональную зависимость:

хлебосольство = F русск. (гостеприимство).

Это существительное обычно толкуется как «готовность и умение радушно угостить». Русскость этой лингвокультуремы подчеркивается очень часто совместной встречаемостью в тексте с лексемами типа: русский, московский (Москва) и т.п.:

«Что-то Москва? Как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебосольство?» [А.С. Пушкин. *Письмо П.В. Нащокину, 22 окт., 1831 г.*];

«Без чашки чаю, без рюмки вина, без закуски от русского купца старого закала никому не уйти. Старинное хлебосольство не чуждо было и Корниле Егорычу» [П.И. Меньшиков-Печерский. *Красильниковы*];

«Широкое хлебосольство хозяйки, привычное для русских, удивляло гостей-англичан» [Л.В. Никулин. *России верные сыны*].

Такая национальная семантика поддерживается и другими однокоренными лингвокультуремами:

«Это ты, добрый человек, от обеда уходишь! - воскликнул Матвей, видя, что незнакомец собирается идти. - Разве мы не русские хлебосольные люди?» [Г.М. Марков. *Строговы*].

Употребление слов хлеб-соль, хлебосольство, хлебосольный, хлебосол, хлебосолка связано с описанием и художественным воплощением в литературных произведениях русской действительности, то есть с ситуацией, в которой действует русская национальная личность:

«Кирилл Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастьем хлебосола» [А.С. Пушкин. *Дубровский*].

«Просим ко мне хлеба-соли откусать <...>, Корнила Яковлевич! Не идут запорожцы, возвращаясь, сообщил вестовой. - Сказывают, без хлебосольности нет досуга» [С.П. Злобин. *Степан Разин*].

«Москва - город хлебосольный, рада принимать встречных и поперечных» [И.С. Тургенев. *Дворянское гнездо*].

Таким образом, эти примеры свидетельствуют о том, что язык, действительно, будучи «путеводителем в «социальной действительности», существенно влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах [Сепир, 1993, с. 261], связанных с понятием «русской национальной личности». Язык и его лингвистические методы исследования приобретают «все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры», являются «символическим руководством к пониманию культуры» [Там же, с. 262].

Многие явления и объекты русской культуры настолько взаимосвязаны с понятиями и концептами, что их изучение позволяет

увидеть историю русского народа, понять идеи, движимые русским обществом на протяжении нескольких веков и отождествляемые с духом русской нации.

Концепция русской национальной личности, суть которой мы в настоящий момент пытаемся уловить, направлена на то, чтобы охватить в едином термине те общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления русской культуры, которые позволяют русскому народу определить свое место в мире. Русская национальная личность отлична от других совокупностью своих выше перечисленных свойств, набором конкретных манифестаций, которые, как считается, для национальной культуры и цивилизации особенно характерны. Русская культура, следовательно, определяется русской национальной личностью, взятой в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух.

Таким образом, русскую национальную личность можно представить как совокупность основных доминант (черт) русской нации, имея в виду, что основная доминанта понимается как нормативное реагирование на какой-то фактор или ситуацию во внешнем мире, в чем проявляется специфика деятельности общества и личности. Добавим, это следует из проведенного анализа, что русская национальная личность - это совокупность специфических норм поведения и деятельности, типичных именно для русских. Нормы, в соответствии с которыми функционирует общество, формируют и национальную личность. Иначе говоря, понять русскую национальную личность можно лишь тогда, когда понято общество, в котором живет русский народ, имеющий свои социально-ценностные нормы. Поэтому русская национальная личность определяется совокупностью важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившейся на основании системы ценностей общества. Учитывая сказанное, нам представляется продуктивным подход к исследованию русской национальной личности, основанный на анализе ценностей, усвоенных русским народом в процессе его исторической судьбы. Эти ценности, ставшие элементом национального менталитета и нашедшие свое отражение в русском языке, и определяют суть, структуру русской национальной личности.

Следовательно, для выявления фундаментальных особенностей русской национальной личности необходимо определить конкретный набор ценностей, носителем которых оказался русский народ, и сопоставить этот набор с ценностями других народов.

§ 4. Моделирование поля «русская национальная личность»

Конкретному анализу состава и структуры рассматриваемого лингвокультурологического поля необходимо предпослать его общее (принципиальное) строение. Такая структура основывается на ряде ведущих принципов (доминант) в их тесной взаимосвязи и взаимодействии.

Общая схема позволяет выделить наиболее характерные черты лингвокультурологического поля «русская национальная личность» как некоторого единства, позволяющего, с одной стороны, раскрыть его историческую динамику, а с другой - его национальную специфику.

В этом параграфе дается конкретизация общей схемы рассматриваемого поля, содержащаяся в § 5 первой главы.

Выделенные дифференциальные признаки поля необходимо конкретизировать и представить в виде ядерной части важнейших классов, тесно взаимодействующих с периферией. Важно подчеркнуть, что в историческом развитии поля периферийная часть может замещать основной класс. Так, например, в «деструктивный» период понятие «*русский*» нередко заменялось в различного рода идеологических целях понятием «*советский*», а понятие «*Богочеловек*» (Бог) - понятием «*человекобог*» как культом личности.

В соответствии с постулированной выше системой доминант поля представим принципиальную модель лингвокультурологического поля «русская национальная личность» в виде обобщающей схемы. В этой схеме даны лишь наиболее характерные доминанты поля «русская национальная личность», которая должна быть экстраполирована на всю область русской культуры в ее языковом выражении, сопоставимая с другими лингвокультурологическими системами.

Центральная часть (ядро) поля представлена лингвокультуремами: **русский**, **российский**, **великорусский** и некоторыми их синонимами. Это ядро тесно взаимодействует особенно в историческом развитии поля с лингвокультуремами **славянский** и **советский**. Центральную часть поля образуют классы лингвокультурем, объединенных основными семантическими признаками. Назвав важнейшие из них в предыдущем параграфе, сейчас установим их взаимосвязь.

1. **«Религиозность»**: христианство, православие, духовность, добродота. Как и многие другие семантические категории, этот класс включает в себя лингвокультуремы антонимического содержания: безбожие, бездуховность и др. В этот семантический ряд входит

большое количество подклассов более конкретного характера, например: религиозные народные праздники, обычаи, нравы, наименования духовных лиц и т.п.

Этот класс, как мы видели в предыдущих главах, высказываниях представителей русской науки, культуры, религии является центральным, доминирующим. Он определяет главную черту русской национальной личности, которая тесно взаимодействует с другими, иерархически подчиненными номинациями. На схеме, которая будет представлена ниже, этот класс занимает центральное, ведущее место. Он как бы обтекает другие важнейшие классы лингвокультурем с их конкретным наполнением, включая антонимические названия и нейтрализуется противоположным ему в классе реалий антонимического характера.

2. **«Стремление к высшим формам опыта»**. Религиозный характер русской национальной личности тесно связан с семантическим классом лингвокультурем, объединенных общим значением **«высшие формы опыта»** (религиозный опыт, нравственный опыт, эстетический опыт, восприятие чужой душевной жизни, интеллектуальная интуиция), которыми весьма одарен русский народ. Суть их была хорошо раскрыта Вл. Соловьевым. Определяя сущность человека и, прежде всего русского характера, философ писал, что главным здесь являются: делать добро, знать истину и ценить красоту. Поэтому такими высшими формами, характеризующими русского человека, являются соответственно понятия «добра», «истины» и «красоты». Отсюда характерным стремлением русской личности в ее лучшем проявлении будет стремление к христианской этике, науке и искусству как высшим отражениям действительности. В этой связи становятся понятными одна из основополагающих доктрин Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир» и высказывание Н.К. Михайловского, имея в виду В. Белинского: «Страстное искание истины и правды - тип русского человека» [*Прудон и Белинский в «Записках профана»*].

Искание добра, истины и красоты имеют своим отрицанием невнимание к личности, к собственным корыстным интересам, выгоде, к личной жизни, благосостоянию, что является столь характерным для представителей других национальностей. Во всяком случае, эта черта является сильно редуцированной в русском национальном характере.

3. **«Соборность»** является свойством, производным от истин-